

Filippov, Aleksandr Nikitich
K voprosu o Verkhovnom
tainom sovietie

Проф. А. Н. Филипповъ.

КЪ ВОПРОСУ

О

ЕРХОВНОМЪ ТАЙНОМЪ СОВѢТѢ.

(По поводу брошюры проф. А. С. Алексѣева: „Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I").

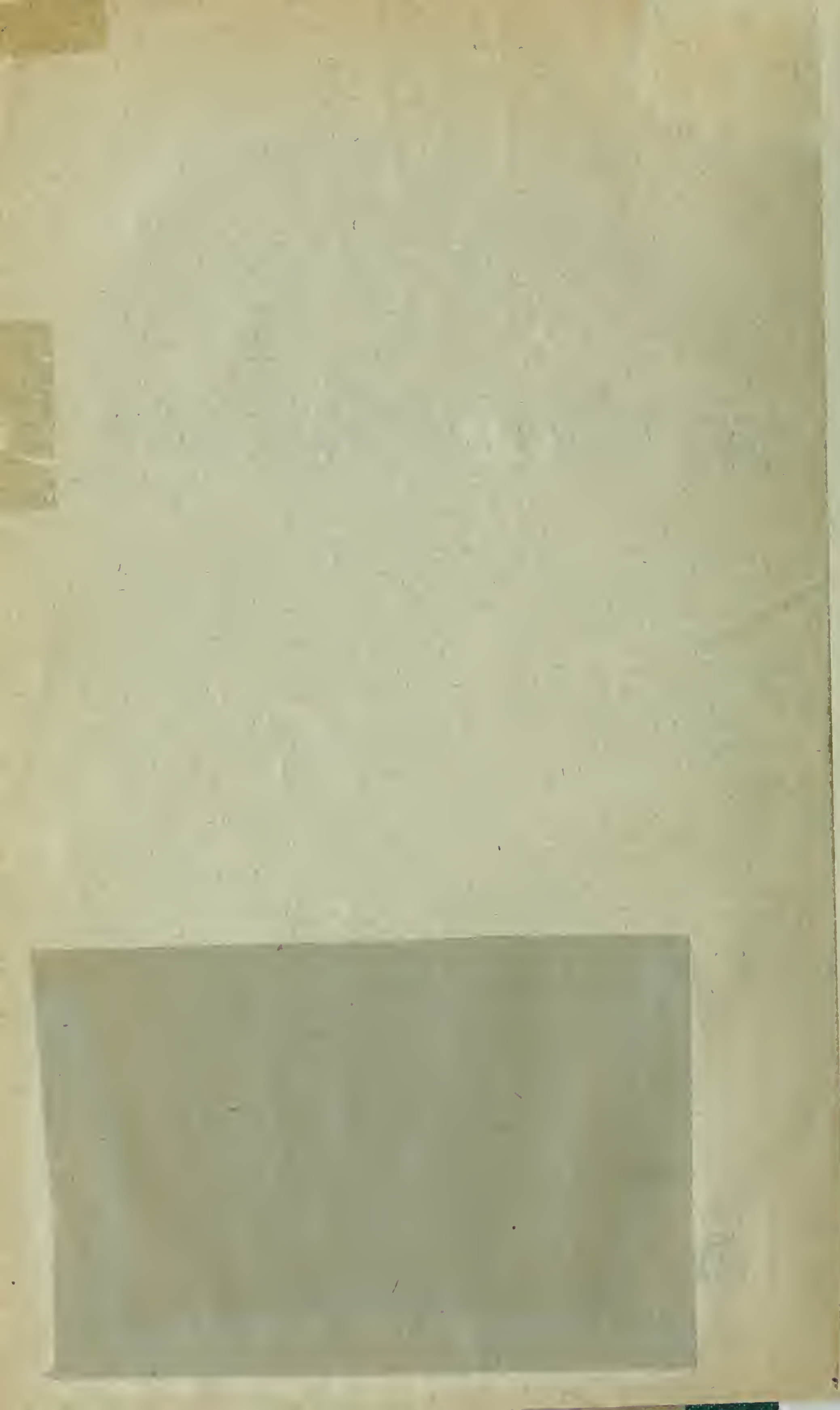
Изъ журнала „Русская Мысль", кн. VI и VII.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1896.

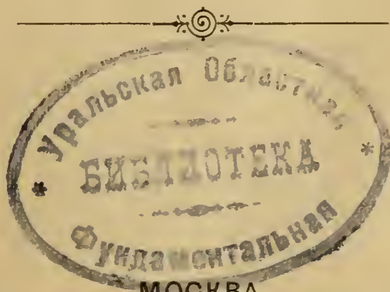

Проф. А. Н. Филиппов.

КЪ ВОПРОСУ
О
ВЕРХОВНОМЪ ТАЙНОМЪ СОВѢТѢ.

(По поводу брошюры проф. А. С. Алексѣева: „Легенды объ олигархическихъ тенденцiяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованiе Екатерины I").

Изъ журнала „Русская Мысль", кн. VI и VII.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, 6 іюля 1896 г.

Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ.

(По поводу *Легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I*, проф. А. С. Алексѣева) *).

Въ изслѣдованіи моемъ *Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета* (часть I «Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта»), мнѣ пришлось коснуться также исторіи образованія и развитія дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта (въ главѣ I), причемъ тѣ общіе выводы, къ какимъ я пришелъ на основаніи изученія первоисточниковъ, я уже имѣлъ случай въ краткихъ чертахъ изложить на страницахъ *Русской Мысли*. Заканчивая первую главу, посвященную верховному тайному совѣту, я напомнилъ читателямъ моей книги, что я, согласно плану моей работы, разсматриваю эту главу «какъ общее вступленіе къ *главной* моей задачѣ—*Исторіи сената* въ изучаемую эпоху,—вступленіе, имѣвшее своею цѣлію, главнымъ образомъ, представить образъ того учрежденія, при которомъ пришлось дѣйствовать сенату; поэтому всѣ вопросы, касающіеся организаціи совѣта, его дѣятельности и проч., были затронуты мною лишь постольку, поскольку они служатъ этой цѣли». Появившіеся доселѣ разборы моего труда направлены были, однако, по преимуществу, *не на основную тему* моего изслѣдованія—*Исторія сената*, а на указанное выше вступленіе къ изслѣдованію, касавшееся исторіи образованія и развитія дѣятельности совѣта, причемъ наиболѣе обширный разборъ этого вступленія, принадлежащій перу проф. Алексѣева, имѣетъ своею цѣлію опровергнуть едва ли не всѣ общіе выводы, къ которымъ пришелъ какъ я, такъ частію и другіе изслѣдователи, имѣвшіе случай касаться нѣкоторыхъ вопросовъ, разбираемыхъ въ моей книгѣ. Послѣдующее изложеніе, имѣя въ виду защитить тѣ мои выводы, которыхъ касается рецензія проф. Алексѣева, является также и нѣкоторою попыткою болѣе подробнаго развитія тѣхъ мыслей и положеній, какихъ мнѣ пришлось, согласно плану моей работы,

---

*) Подъ означеннымъ названіемъ рецензія проф. Алексѣева была впервые помѣщена въ *Русскомъ Обозрѣніи* (1896 г., № 1—4); нынѣ она вышла отдѣльною брошюрою; въ нашей статьѣ мы цитируемъ страницы этой послѣдней.

коснуться въ моемъ изслѣдованіи лишь кратко и какъ бы мимоходомъ. Значительная принципіальная важность вопросовъ, связанная съ судьбою такого учрежденія, какъ верховный тайный совѣтъ съ одной стороны, необходимость коснуться всѣхъ главныхъ возраженій обширной, по объему, рецензіи г. Алексѣева—съ другой, вызываетъ и меня на нѣсколько длинный отвѣтъ почтенному ученому. Замѣчу при этомъ, что, въ интересахъ болѣе удобнаго сравненія моихъ возраженій съ возраженіями г. Алексѣева, я излагаю ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ возраженія самого автора рецензіи. Прослѣдивъ затѣмъ шагъ за шагомъ ходъ аргументаціи автора противъ моихъ общихъ выводовъ, я сдѣлаю заключеніе, которое дастъ возможность читателямъ составить себѣ тотъ или иной взглядъ на роль и значеніе верховнаго тайнаго совѣта.

I.

Первое возраженіе, какое дѣлаетъ мнѣ проф. Алексѣевъ, сгруппировавъ вмѣстѣ отдѣльныя мѣста моего изслѣдованія (иногда, кстати замѣтить, приводя ихъ въ совершенно-невѣрномъ видѣ) *), касается крайности и рѣзкости моихъ воззрѣній на верховный тайный совѣтъ. По мнѣнію автора рецензіи, я будто бы «не хочу видѣть *въ дѣятельности* верховнаго тайнаго совѣта *никакихъ* свѣтлыхъ сторонъ», на которыя указываютъ другіе изслѣдователи, а въ моей книгѣ «находитъ откликъ *только* то, что можетъ набросить тѣнь на верховный тайный совѣтъ», и «поэтому тотъ, кто хотѣлъ

*) Такъ, наприм., проф. Алексѣевъ говоритъ, что я утверждаю, что верховный тайный совѣтъ „учрежденіе неюридическое, *неруководившееся какими-либо строго-установленными формами*", и ссылается при этомъ на стран. 122 моего изслѣдованія. Между тѣмъ на этой страницѣ, указавъ на то, что совѣту приходилось вести обширные и важные *политическіе* процессы, я въ заключеніе замѣчаю слѣдующее: „какъ учрежденіе не юридическое, совѣтъ не руководился *здѣсь* какими-либо строго-установленными и *одинаково* ко всѣмъ обвиняемымъ примѣняемыми формами; частію это объяснялось различіемъ личностей подсудимыхъ и ихъ дѣяній" и проч. Какъ ясно для всякаго, я утверждаю, что *здѣсь*, т.-е. при политическихъ *только* процессахъ, совѣтъ не руководился какими-либо строго-установленными формами и пр., но *вовсе* не обобщаю этого утвержденія,—какъ это дѣлаетъ произвольно уже самъ г. Алексѣевъ,—на *всю* цѣликомъ дѣятельность совѣта (стр. 5 рецензіи). Или, наприм., проф. Алексѣевъ утверждаетъ, что, по моимъ словамъ, „въ новомъ учрежденіи (совѣтѣ) открывалась для этого боярства возможность играть политическую роль" и ссылается на стран. 28 и 29 моей книги; на страницѣ 28 такой фразы, однако, нѣтъ вовсе, а на страницѣ 29 я говорю слѣдующее: „въ новомъ учрежденіи открывалась возможность для этого боярства играть политическую роль, *что оно и попыталось сдѣлать позднѣе*". Конецъ фразы, подчеркнутый мною, почему-то отброшенъ г. Алексѣевымъ; между тѣмъ, въ немъ-то и заключается самое существенное, что я хотѣлъ сказать и противъ чего нельзя спорить; *безъ этого конца* фраза имѣетъ мало смысла, такъ какъ при основаніи верховнаго тайнаго совѣта боярство было представлено въ немъ лишь *однимъ* Д. М. Голицынымъ и только позднѣе оно вошло туда въ лицѣ нѣсколькихъ представителей двухъ фамилій, попытавшихся, при воцареніи Анны Іоанновны, сыграть въ совѣтѣ политическую роль.

бы ознакомиться съ отрицательными взглядами нашей литературы на верховный тайный совѣтъ, можетъ взять смѣло за руководство» мою книгу и т. д. (стр. 7). Прежде чѣмъ отвѣтить на все вышесказанное по существу, замѣчу, что для полноты литературныхъ мнѣній, *отрицательно* относившихся къ совѣту, было бы справедливо указать еще на одно мнѣніе, авторъ коего смотритъ гораздо мрачнѣе меня на дѣятельность совѣта. Какъ это ни странно, авторъ этотъ не кто иной, какъ самъ проф. А. С. Алексѣевъ, такъ вооружившійся нынѣ противъ «легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I». Въ своемъ печатномъ курсѣ лекцій *Русское государственное право* (М., 1895 г., 3-е исправленное изданіе) онъ говоритъ о верховномъ тайномъ совѣтѣ буквально слѣдующее: «верховный тайный совѣтъ, учрежденный въ 1726 г. Екатериною I, состоялъ изъ семи важнѣйшихъ особъ, подъ предсѣдательствомъ императрицы. Онъ долженъ былъ завѣдывать важнѣйшими дѣлами, не ограничиваясь опредѣленною дѣятельностью. Но *созданный властолюбіемъ немногихъ лицъ,* желавшихъ захватить власть въ свои руки и вытѣснить сенатъ изъ того положенія, которое было указано послѣднему Петромъ, онъ сдѣлался силою, прибиравшею къ своимъ рукамъ *все,* чѣмъ онъ могъ вторгаться авторитетно во вліятельнѣйшія сферы государственной жизни, *все,* что давало ему возможность парализировать независимость другихъ высшихъ органовъ, *все,* что позволяло ему *безконтрольно* распоряжаться казною, мѣстами и почестями. *Онъ пошелъ дальше и хотѣлъ узурпировать и верховныя права и обрѣсти самостоятельность и независимость по отношенію къ власти верховной.* Эта тенденція выразилась нагляднымъ образомъ въ тѣхъ условіяхъ объ ограниченіи монархической власти въ Россіи, которыя онъ предложилъ Аннѣ Іоанновнѣ при вступленіи ея на престолъ. *Но эта тенденція и погубила его.* Въ 1730 г. совѣтъ былъ упраздненъ и сенатъ возстановленъ на прежнихъ основаніяхъ» (стр. 320 и сл.; курсивъ вездѣ нашъ). Въ этомъ, хотя и краткомъ, но весьма рѣшительномъ приговорѣ, дѣйствительно, нѣтъ никакихъ свѣтлыхъ сторонъ въ дѣятельности совѣта и картинно указано все, что набрасываетъ тѣнь на него. Что же касается моего изслѣдованія, то указанная выше характеристика проф. Алексѣева къ нему весьма мало относится. Я, правда, смотрю весьма отрицательно на верховный тайный совѣтъ, *какъ учрежденіе*, находя, что въ основѣ его лежали не столько правовыя начала, сколько олигархическо-политическія тенденціи, но по отношенію къ его *дѣятельности* я вовсе не скрывалъ тѣхъ *свѣтлыхъ* сторонъ ея, какія я, по силѣ моего разумѣнія, нашелъ въ ней. Что это такъ, достаточно, хотя мелькомъ, проглядѣть тѣ мѣста моей книги, которыя касаются именно *дѣятельности* совѣта, какъ въ цѣломъ, такъ и въ ея частностяхъ *)...

*) Такъ, наприм., я указываю на тотъ фактъ, что совѣтъ въ своей повседневной дѣятельности отдавалъ много вниманія дѣламъ *иностраннымъ*, и при этомъ отмѣчаю, что, хотя совѣту „приходилось дѣлать *опытъ* разрѣшенія *новой* задачи управленія,—такъ какъ то учрежденіе, преемникомъ коего являлся частію совѣтъ (т.-е. пе-

Вообще я строго различаю, —какъ это и должно быть, конечно, — мѣропріятія совѣта, направленныя къ укрѣпленію и развитію его *собственной* власти и значенія, и мѣропріятія, не имѣвшія прямого отношенія къ этой его задачѣ. Поскольку *первыя* были проникнуты *олигархическими* тенденціями, отмѣченными какъ современниками ихъ *), такъ и безпристрастными

тровскій сенатъ), вовсе не было мѣстомъ, созданнымъ для руководительства въ дѣлахъ иностранныхъ,—„нельзя, кажется, не признать, что, *въ общемъ*, этотъ *опытъ* (совѣтской дѣятельности) *былъ довольно удаченъ*" (стр. 66—70). Затѣмъ, обозрѣвая дѣятельность совѣта по внутреннему управленію, я хотя и прихожу къ выводу „о незначительности ея *общихъ* результатовъ", но въ то же время объясняю, что „причины этого были довольно сложны", и вовсе не утверждаю, какъ, повидимому, думаетъ проф. Алексѣевъ, что однѣ „политическія тенденціи мѣшали совѣту быть дѣловымъ учрежденіемъ и парализировали его законодательную и правительственную дѣятельность". Я, правда, признаю, что „политическія цѣли, которыя лежали въ его основаніи и которыя онъ постоянно и неуклонно проводилъ въ своей послѣдующей дѣятельности, не могли, прежде всего, не влiять на его правительствующую роль, не могли не умалять его *дѣлового* значенія", но затѣмъ добавляю слѣдующее: „оцѣнивая *дѣятельность* совѣта по ея результатамъ, нельзя не принять во вниманіе и того важнаго обстоятельства, что совѣту пришлось дѣйствовать непосредственно послѣ той напряженной дѣятельной эпохи, когда реформа слѣдовала за реформою, когда во всѣхъ сферахъ народной и государственной жизни господствовало сильное возбужденіе. Совѣту пришлось быть учрежденіемъ эпохи *реакціи*, что и надо имѣть въ виду, оцѣнивая результаты его дѣятельности: совѣтъ долженъ былъ разбираться въ сложныхъ задачахъ петровской реформы, оставшихся для послѣдующихъ эпохъ далеко не въ разрѣшенномъ видѣ. Такая дѣятельность, *уже по самому существу*, не могла быть *слишкомъ* видною, замѣтною, *хотя и она, конечно, имѣла свое значеніе* въ общемъ движеніи XVIII вѣка, такъ какъ показывала ясно, что̀ въ петровской эпохѣ выдерживало испытаніе времени и что̀ должно было быть оставлено. *Совѣтъ*, какъ учрежденіе, принимавшее непосредственное и живое участіе во всѣхъ дѣлахъ верховнаго управленія, *могъ, конечно, вносить свои поправки въ законодательство предшествующаго царствованія,* на основаніи богатаго опыта своей правительственной дѣятельности; *онъ и дѣлалъ это, поскольку этому не мѣшали его политическія задачи*" (стр. 136 и сл.). Или, наприм., говоря о дѣятельности совѣта по развитію торговли и промышленности, я прихожу къ выводу, что „совѣтъ проявилъ здѣсь *большую энергію,* частію, впрочемъ, въ фискальныхъ цѣляхъ". Или, обозрѣвая дѣятельность совѣта относительно флота и арміи, я, между прочимъ, подчеркиваю, что нельзя не отмѣтить одной *общей* мысли, какая сказывалась *не разъ* въ этой области совѣтскаго управленія, а именно: *мысли объ облегченіи народа и сокращеніи расходовъ* (стр. 89 и сл.). Не умножая этихъ ссылокъ рядомъ другихъ, имъ подобныхъ, спросимъ безпристрастнаго читателя, неужели справедливо заключеніе проф. Алексѣева, что я не вижу „*никакихъ* свѣтлыхъ сторонъ *въ дѣятельности* совѣта" и тенденціозно собираю все, что „можетъ набросить тѣнь" на него?

*) Вотъ, наприм., какъ смотрѣли на событія изучаемой эпохи австрійскіе дипломаты, коихъ донесенія подробно изслѣдованы нынѣ проф. Брикнеромъ: „въ бумагахъ вѣнскаго архива, въ донесеніяхъ австрійскихъ дипломатовъ, пребывающихъ въ Москвѣ и Петербургѣ,— говоритъ онъ,— мы находимъ *множество* данныхъ, доказывающихъ, что мысль объ ограниченіи монархическаго начала, минутное осуществленіе которой состоялось, какъ извѣстно, въ началѣ 1730 г., при воцареніи Анны, появилась *гораздо раньше* и созрѣвала именно во время упорной борьбы противъ чрезмѣрнаго авторитета и несноснаго для вельможъ произвола Меншикова. Рабутинъ, Гоген-

историками *), постольку же *вторыя* могли быть (да и дѣйствительно были) проникнуты началами *общаго* блага, разъ совѣтъ, предпринимая тѣ или иныя мѣры, не вводилъ въ нихъ заботъ *о самомъ себѣ*, какъ учрежденіи **). Оцѣнка мѣропріятій совѣта можетъ быть, конечно, различна въ отдѣльныхъ случаяхъ; едва ли, однако, можно оспаривать мысль объ олигархическихъ тенденціяхъ совѣта, какъ таковаго, такъ какъ, несомнѣнно, что, пытаясь захватить въ свои руки всю власть и значеніе и предлагая затѣмъ ограничительныя условія Аннѣ Іоанновнѣ, совѣтъ добывалъ все это лишь въ пользу *немногихъ*. Но всякому извѣстно, что (говоря словами одного изъ современниковъ) «владѣнія образъ *въ толь маломъ числѣ владѣющихъ* не можетъ нарещися владѣтельство избранныхъ, гречески *аристократія*, но развѣ сковическое тиранство, или насильство, которое *олигархія* у еллиновъ именуется»... Правда, тотъ же современникъ разсказываетъ, что верховники, предлагая въ извѣстныхъ «кондиціяхъ» закрѣпленіе власти за совѣтомъ, потомъ стали «первѣйшихъ» изъ противной компаніи (т.-е. нѣкоторыхъ изъ противниковъ ихъ плановъ) принимать съ ласкосердіемъ и къ общему сословію преклонять, *ротяся и присягая, что они за собственнымъ интересомъ не гонятся,* и жаловались, что *напрасно* то въ грѣхъ имъ поставлено, что они совѣта своего *всѣмъ прочимъ* не сообщили»... Но уже одна необходимость оправданія показываетъ, что современники обвиняли верховниковъ въ заботахъ лишь «о собственномъ своемъ

гольцъ и Вратиславъ, постоянно возвращаясь къ этому вопросу о такой перемѣнѣ въ Россіи, въ связи съ этимъ обсуждаютъ тѣ послѣдствія, которыя будутъ сопряжены *съ водвореніемъ олигархическихъ порядковъ въ Россіи*. Австрійскіе дипломаты нисколько не сомнѣваются въ томъ, что сохраненіе чисто-монархическаго начала въ Россіи должно считаться важнѣйшимъ условіемъ поддержанія той важной роли, которую Россія разыгрывала въ Европѣ, благодаря реформамъ Петра В., тогда какъ отмѣна абсолютизма и *олигархія нѣкоторыхъ вельможъ* непремѣнно должны были лишить Россію того значенія, которымъ она пользовалась въ общей политической системѣ... *Замѣнить самодержавіе олигархіей*, по мнѣнію австрійскихъ дипломатовъ, *значило— лишить Россію важнѣйшей доли результатовъ реформы Петра В.*"... (*Русскій дворъ при Петрѣ II. Вѣстникъ Европы* 1896 г., № 2, стр. 582; курсивъ нашъ). Указанное свидѣтельство австрійскихъ дипломатовъ показываетъ, что, вопреки мнѣнію г. Алексѣева, современники отмѣтили какъ олигархическія тенденціи вельможъ, такъ и появленіе идеи ограниченія самодержавія еще задолго до извѣстныхъ кондицій Аннѣ Іоанновнѣ.

*) См., наприм., изображеніе дѣятельности совѣта и ея послѣдствій у Соловьева—*Исторія Россіи*, тт. XVIII и XIX, соотвѣтственныя главы. Между прочимъ, не кто иной, какъ знаменитый историкъ нашъ утверждалъ, что „по смерти Петра II дворянство и генералитетъ, *раздраженные олигархическими стремленіями верховниковъ*, выдаютъ ихъ новому правительству" (ibid., XIX, стр. 321); но эти стремленія не могли явиться сразу, безъ всякой связи съ предшествующею дѣятельностью совѣта, какъ думаетъ г. Алексѣевъ; наоборотъ, какъ я доказываю въ своей книгѣ, зародились они съ возникновеніемъ совѣта и, будучи сначала слабы, все болѣе и болѣе развивались съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій царствованія Петра II.

**) Такія мѣры не разъ отмѣчаются въ моей *Исторіи сената* (см., наприм., стр. 82 и сл., 92 и сл., и мн. др.).

интересѣ», т.-е., иначе говоря, объ интересахъ *немногихъ*. Указанныя слова Ѳеоѳана Прокоповича относятся къ послѣднему моменту дѣятельности совѣта, но едва ли было бы научно совершенно отдѣлять этотъ моментъ отъ всего предшествующаго и думать, что замыслы верховниковъ, выразившіеся въ кондиціяхъ Аннѣ, не имѣютъ *ничего* общаго съ исторіей совѣта при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Историкъ, столь плодотворно потрудившійся надъ изученіемъ вопроса о воцареніи Анны Іоанновны, вполнѣ справедливо настаиваетъ *на связи* событій ея воцаренія съ предшествующими царствованіями *). Если проф. Алексѣевъ думаетъ иначе и считаетъ, что «кондиціи» Аннѣ въ ихъ основной *ограничительной* тенденціи не имѣютъ никакого отношенія къ царствованію Екатерины I, когда будто бы *и не зарождалось* идеи объ ограниченіи самодержавія **), то ему надо было бы доказать свою мысль и, не ограничиваясь простымъ пересказомъ извѣстій Кампредона, Лефорта и Мардефельда, посчитаться съ цѣлымъ рядомъ мнѣній современниковъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, говорившихъ о совѣтѣ, какъ *объ олигархическомъ учрежденіи* и боявшихся, «чтобы не сдѣлалось, вмѣсто *одного* самодержавнаго государя, *десяти* самовластныхъ и сильныхъ фамилій» и т. д. Если, какъ вѣрно замѣчаетъ П. Н. Милюковъ, «среди ожесточенной борьбы реальныхъ интересовъ и политическихъ теорій, какую вызвала попытка верховниковъ, этотъ проектъ (о «кондиціяхъ») быстро былъ заклейменъ кличкой *олигархическаго* и тиранническаго»; если на событія времени, начиная уже съ воцаренія Екатерины I и до уничтоженія в. т. совѣта, современники смотрѣли какъ на *олигархическія* затѣи (см., наприм., указанныя выше въ примѣчаніи донесенія австрійскихъ диплома-

---

*) Именно, указавъ на событія царствованій, предшествующихъ воцаренію Анны Іоанновны, проф. Д. А. Корсаковъ справедливо замѣчаетъ, что „исчисленныя явленія и *подготовили тѣ замыслы*, которые выразились при воцареніи Анны Іоанновны. Замыслы эти были логическимъ результатомъ *предыдущаго*, какъ является все въ исторіи, природѣ которой такъ же чуждо явленіе случайное, какъ оно чуждо природѣ физической и нравственной, индивидуальной природѣ человѣка“ (*Воцареніе Анны Іоанновны*, стр. XIII). Иначе думаетъ г. Алексѣевъ, ничѣмъ, однако, не доказывая своей мысли.

**) См., кромѣ приведеннаго выше свидѣтельства австрійскихъ дипломатовъ, еще статью проф. Брикнера *Императрица Екатерина I* (*Вѣстникъ Европы* 1894 г., №№ 1 и 2), гдѣ не разъ отмѣчаются указанія иностранцевъ на попытки *ограниченія* власти Екатерины I. Замѣтимъ, что и С. М. Соловьевъ, при всей своей осторожности, находитъ также необходимымъ указать на существованіе мысли объ ограниченіи императрицы при ея возведеніи на престолъ и отмѣчаетъ обстоятельства, которыя помѣшали ея осуществленію въ царствованіи Екатерины I (Ibid., т. XVIII, стр. 264 и сл., стр. 272 и сл.). Давая характеристику кн. Д. М. Голицына, бывшаго, какъ извѣстно, членомъ совѣта съ перваго дня его существованія до его уничтоженія, не кто иной какъ Соловьевъ говоритъ слѣдующее: „вспомнивъ судьбу Голицына, мы поймемъ, какимъ образомъ въ его головѣ *созрѣла мысль объ ограниченіи императорской власти*“ и проч. (XIX, стр. 238 и сл.). А проф. Алексѣевъ думаетъ, что эта мысль „вычитана“ у современниковъ разбираемыми имъ авторами (стр. 39 и друг.); однако эту мысль находили у современниковъ самые осторожные и почтенные изслѣдователи.

товъ), то надо бы было разобраться во всѣхъ этихъ отзывахъ и мнѣніяхъ прежде, чѣмъ называть ихъ только «легендой»; надо бы было подробнѣе изслѣдовать, что въ этихъ отзывахъ справедливаго и несправедливаго. Мнѣнія современниковъ о событіяхъ всегда почти носятъ на себѣ печать нѣкотораго субъективизма, но въ нихъ всегда можно попытаться найти и долю правды, провѣряя ихъ на основаніи какихъ-либо непререкаемыхъ данныхъ. Такія данныя для сужденія о в. т. совѣтѣ и его стремленіяхъ заключаются въ документахъ самого совѣта, изъ коихъ узнаемъ о его составѣ, устройствѣ, постепенномъ ростѣ его силы и значенія, попыткахъ захватить всю власть въ свои руки, т.-е., иначе говоря, въ руки тѣхъ *немногихъ*, которымъ удалось войти въ составъ его членовъ. Не въ пользу же «всенародныхъ человѣкъ» и даже не въ пользу болѣе широкаго круга шляхетства, высшаго или средняго, работали, конечно, верховники, подрывая значеніе сената или св. синода, дѣлая совѣтъ сосредоточеніемъ всей власти и проч.,—по крайней мѣрѣ до момента посылки «кондицій» Аннѣ, когда они встрѣтились съ довольно сильнымъ дворянскимъ движеніемъ, вожди коего потребовали, чтобы верховники подѣлились властію *и съ другими*, коихъ олигархическое устройство совѣта не вмѣщало въ его составъ. Проф. Алексѣевъ отвергаетъ существованіе въ изучаемую эпоху у насъ партіи худородныхъ и партіи родовитыхъ вельможъ, а затѣмъ, пересказывая Кампредона, Лефорта и Мардефельда, приходитъ къ выводу, что дѣло созданія совѣта есть результатъ дѣятельности *нѣсколькихъ лицъ*, наиболѣе близкихъ къ императрицѣ (герцога Голштинскаго, гр. Толстого, Меншикова), но самъ, однако, при этомъ совершенно не замѣчаетъ, что этимъ онъ не только не опровергаетъ, но еще болѣе подтверждаетъ «легенду объ олигархическомъ происхожденіи в. т. совѣта», такъ какъ суживаетъ до *minimum*'а кругъ лицъ, принимавшихъ участіе въ учрежденіи совѣта, и сводитъ все ихъ значеніе къ фавору, приближенію, родству и т. п., тогда какъ партіи,—поскольку ихъ вліяніе отражалось въ совѣтѣ,—представляли собою, конечно, нѣчто болѣе значительное (количественно и качественно), чѣмъ тѣ *немногіе*, кои, по толкованію проф. Алексѣева, создали совѣтъ; партіи, наконецъ, не закрывали совершенно пути для борьбы за власть въ совѣтѣ, что̀ и сказалось ясно при воцареніи Анны.

Не можемъ, наконецъ, не отмѣтить слѣдующаго. Отрицательно относясь къ олигархическо-политическимъ тенденціямъ совѣта, какъ таковаго, я разсматриваю *всю* его исторію въ цѣломъ, отъ момента его созданія до поднесенія «кондицій» Аннѣ. Поэтому мои сужденія о немъ касаются *всего* періода его недолгаго существованія, и такъ какъ совѣтъ свои стремленія въ указанномъ выше смыслѣ, вслѣдствіе *особыхъ* условій царствованія Петра II, проявляетъ *всего рѣзче* во второй половинѣ своей дѣятельности, то и значительная часть тѣхъ «отрицательныхъ взглядовъ», какихъ я держусь по отношенію къ совѣту, касается его положенія въ царствованіе Петра II. Проф. Алексѣевъ беретъ темою для своей статьи дѣятельность совѣта лишь въ царствованіе Екатерины I, оговариваясь, что не будетъ

«заглядывать въ ту эпоху, когда съ воцареніемъ малолѣтняго императора наступили въ нашей государственной жизни *чрезвычайныя условія, исказившія первоначальный характеръ* в. т. совѣта и измѣнившія его *личный составъ*, выдвинувъ, взамѣнъ птенцовъ Петра, любимцевъ царя-отрока» (стр. 7). Не говоря уже о нѣкоторой фактической невѣрности послѣдняго утвержденія *), замѣтимъ лишь, что и проф. Алексѣевъ, какъ надобно заключить изъ приведенныхъ словъ, *отрицательно* относится къ совѣту *царствованія Петра II*, что̀, конечно, не представляетъ новости, хотя бы въ виду характеристики, даваемой совѣту этого времени С. М. Соловьевымъ; но если это такъ, то совершенно непонятно, почему проф. Алексѣевъ *не выдѣляетъ* тѣхъ сужденій моихъ о совѣтѣ, которыя то частью, то вполнѣ относятся къ царствованію Петра II и которыя совершенно умѣстны по отношенію къ учрежденію, *исказившему*—даже по взгляду самого автора рецензіи—*свой первоначальный характеръ* въ силу чрезвычайныхъ условій царствованія Петра II. Такое выдѣленіе было уже необходимо потому, что, изслѣдуя въ своей статьѣ *только* судьбы учрежденія при Екатеринѣ I и не касаясь царствованія Петра II, проф. Алексѣевъ не могъ бы (еслибъ и хотѣлъ) доказать, *въ чемъ* былъ я правъ или неправъ, характеризуя *отрицательно* совѣтъ царствованія Петра II. Наприм., проф. Алексѣевъ насмѣшливо замѣчаетъ, что я «совершенно серьезно доказываю, что кондиціи, предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, не вносили ничего новаго въ дѣятельность совѣта, который уже и раньше, *отчасти уже при Екатеринѣ I*, пользовался всѣмъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ себѣ юридически гарантировать при воцареніи Анны» (стр. 6). Да я это, дѣйствительно, доказываю «совершенно серьезно», но, какъ видно изъ приводимой самимъ г. Алексѣевымъ цитаты изъ моей книги, утвержденіе это относится къ дѣятельности совѣта *въ цѣломъ*. Вѣрно или нѣтъ оно по существу (мнѣ легко доказать, что вѣрно **), но во всякомъ случаѣ для его опроверженія необходимо изслѣдовать дѣятельность совѣта и при Петрѣ II; г. Але-

---

*) Какъ извѣстно, личный составъ совѣта и съ воцареніемъ Петра II оставался *первоначально* неизмѣннымъ и только лишь въ сентябрѣ 1727 г. изъ него выбылъ кн. Меншиковъ, а 9 ноября 1728 г. скончался графъ Апраксинъ; правда, въ февралѣ 1728 г. въ него вошли кн. Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ Долгорукіе; но изъ нихъ первый, будучи знаменитымъ дипломатомъ петровскаго царствованія, принадлежалъ самъ къ „птенцамъ Петра", и лишь *второй*, — *одинъ* изъ всѣхъ членовъ совѣта, — „всѣмъ былъ обязанъ фавору, приближенію", какъ о немъ выражается С. М. Соловьевъ; затѣмъ кн. М. М. Голицынъ, какъ и кн. В. Вл. и М. Вл. Долгорукіе вошли въ совѣтъ *уже послѣ смерти* Петра II. Едва ли возможно поэтому утверждать, что въ совѣтѣ еще при Петрѣ II „взамѣнъ птенцовъ Петра В. выдвинулись любимцы царя-отрока."

**) Мною уже было указано на страницахъ *Русской Мысли*, что, сравнивая *содержаніе* отдѣльныхъ пунктовъ кондицій съ указами и распоряженіями совѣта, можно замѣтить, что послѣдніе *повторяются* въ этихъ пунктахъ (*Русская Мысль* 1894 г., кн. VIII, стр. 10 и сл., статьи моей *Правительствующая олигархія* и пр.). Приведу здѣсь для наглядности лишь одинъ примѣръ: 4-й пунктъ „кондицій" гласилъ, что императрица обѣщалась безъ согласія верх. тайн. совѣта „въ знатные чины, какъ

ксѣевъ этого не дѣлаетъ, а потому ему и не слѣдовало бы касаться бездоказательно этого моего утвержденія, какъ далеко заходящаго за предѣлы его изслѣдованія. Другой примѣръ. Говоря о степени участія отдѣльныхъ членовъ совѣта въ его засѣданіяхъ, я вездѣ имѣю въ виду оба періода его дѣятельности (царствованіе Екатерины I и царствованіе Петра II); проф. Алексѣевъ сосчитываетъ число совѣтскихъ засѣданій *перваго* царствованія, отмѣчаетъ, сколько разъ тотъ или другой членъ посѣтилъ ихъ, а затѣмъ утверждаетъ, что мои выводы о степени участія отдѣльныхъ членовъ въ засѣданіяхъ съѣзда «страдаютъ неточностью» (стр. 77 рецензіи; срав. стр. 36 и сл. моей книги). Точенъ или нѣтъ былъ я въ данномъ случаѣ, судить можно, взявъ за предѣлы изслѣдованія *оба* царствованія, такъ какъ мои выводы въ данномъ случаѣ относятся къ тому и другому вмѣстѣ. Итакъ, въ однихъ случаяхъ г. Алексѣевъ относитъ къ характеристикѣ совѣта Екатерины I то, что у меня относится то цѣликомъ, то въ значительной части къ совѣту обоихъ царствованій; въ другихъ—онъ мало обращаетъ вниманія на то, что мною различается совѣтъ одного царствованія отъ совѣта другого царствованія (тамъ, конечно, гдѣ это различіе можетъ быть отмѣчено). Едва ли такой пріемъ научной критики можетъ способствовать правильности сужденія о моихъ выводахъ съ одной стороны, а съ другой—едва ли такой пріемъ можетъ опровергнуть эти выводы...

II.

Касаясь извѣстій иностранцевъ объ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта, я говорю въ моемъ изслѣдованіи, что они довольно вѣрно передаютъ борьбу «между старо-русскою партіей родовитыхъ вельможъ, хотѣвшихъ создать *политическое* учрежденіе, ограничивающее власть императрицы, и партіей вельможъ худородныхъ, выдвинутыхъ реформою и искавшихъ себѣ опоры въ императрицѣ, именемъ которой они хотѣли управлять», а затѣмъ прихожу къ выводу, что вновь созданный совѣтъ давалъ выходъ стремленіямъ къ власти стараго, родовитаго, и новаго, худороднаго дворянства, такъ какъ то и другое теперь *могло*,—что̀ затѣмъ и случилось (при воцареніи Анны, конечно), — вступить въ борьбу за власть въ самомъ верх.

въ статскіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, *выше полковничья ранга* не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять". Этотъ пунктъ „кондицій", имѣя соотвѣтствіе въ своемъ шведскомъ образцѣ, повторялъ почти буквально указы совѣта еще отъ 1727 г. Такъ, указъ совѣта отъ 2 октября повелѣвалъ военной коллегіи „*полковниковъ и выше того ранга* той коллегіи отставливать собою *и чинами не повышать, а докладывать о томъ въ в. т. совѣтѣ*", который фактически при Петрѣ II и производилъ въ чины самъ; такъ, далѣе, еще указъ 11 сентября того же года отнималъ у адмиралтействъ-коллегіи право производства въ чины *выше капитана* безъ доклада совѣту. Что касается назначенія на высшія должности, то они при Петрѣ II дѣлались также совѣтомъ, иногда даже безъ доклада монарху.

тайн. совѣтѣ (стр. 26, 28 и сл.); наконецъ, соглашаясь съ мнѣніемъ П. Н. Милюкова, что «устройство в. т. совѣта было *уступкою* той боярской партіи, которая примиряла его съ воцареніемъ Екатерины I», я добавлю, что, по моему мнѣнію, уступка эта, не будучи значительной для даннаго момента, была важна для стараго боярства въ будущемъ: въ новомъ учрежденіи открывалась возможность для этого боярства играть *политическую* роль, что оно и попыталось сдѣлать *позднѣе*» (опять-таки, конечно, при воцареніи Анны). Проф. Алексѣевъ, хотя и не дѣлая ссылки на указанныя мѣста моего изслѣдованія, но, конечно, имѣя ихъ въ виду (такъ какъ въ другихъ я этого вопроса вовсе не касаюсь), замѣчаетъ, что «никакой партіи худородныхъ дворянъ, *способной дѣйствовать солидарно*, у насъ въ эту эпоху не было и быть не могло», что для всякаго, хотя сколько-нибудь знакомаго съ эпохой, звучитъ прямо насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ говорить о нихъ (худородныхъ дворянахъ), «*какъ объ объединенномъ въ цѣлое политическомъ факторѣ*», и что не менѣе странно говорить о родовитыхъ вельможахъ, «какъ о партіи, стремившейся къ политической самостоятельности и нашедшей въ в. т. совѣтѣ выходъ этимъ стремленіямъ» (стр. 260 и сл.). Какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ моей книги, я, дѣйствительно, говорю о 2-хъ партіяхъ — о партіи родовитыхъ вельможъ и партіи вельможъ худородныхъ; но я, однако, *нигдѣ* не представляю этой послѣдней партіи (какъ, впрочемъ, и первой), какъ какого-то «объединеннаго въ цѣлое политическаго фактора», какъ партіи, «способной дѣйствовать солидарно». Такая характеристика — измышленіе самого проф. Алексѣева, и я за него отвѣчать, конечно, не могу. Что же касается стараго боярства, стремившагося къ политической самостоятельности, то я утверждаю лишь, что въ новомъ учрежденіи (т.-е. въ совѣтѣ) для этого боярства открывалась возможность играть политическую роль, что оно и попыталось сдѣлать *позднѣе*, т.-е. при воцареніи Анны, когда оно, въ лицѣ 2-хъ первѣйшихъ фамилій, предлагало свои «кондиціи» Аннѣ и когда оно вступало въ переговоры съ шляхетствомъ и пр. «Страннаго» въ этомъ учрежденіи ничего нѣтъ и во всякомъ случаѣ проф. Алексѣевъ, разсматривающій роль совѣта *только* въ царствованіе Екатерины I, ничѣмъ не доказалъ, да и не могъ бы доказать, что попытка боярства сыграть политическую роль не имѣла мѣста *позднѣе*, какъ я говорю, подразумѣвая ясно здѣсь конецъ дѣятельности совѣта. Но, можетъ быть, «худородные дворяне» при Екатеринѣ I не составляли *вообще*, какъ выражается проф. Алексѣевъ, «ни партіи», «ни элемента», а «родовитые вельможи» не были партіей, стремившеюся къ политической самостоятельности, такъ что и всякій разговоръ о партіяхъ въ изучаемую эпоху излишенъ и не можетъ вестись серьезно людьми «сколько-нибудь знакомыми съ эпохою»? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, «партія худородныхъ съ Меншиковымъ во главѣ и партія родовитыхъ бояръ съ Голицынымъ во главѣ» есть не что иное, какъ изобрѣтеніе П. Н. Милюкова и мое, какъ думаетъ проф. Алексѣевъ? Мы склонны, однако, утверждать, что, говоря стилемъ самого проф. Алексѣе-

ва,—«звучитъ прямо насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ» отрицать существованіе указанныхъ партій въ изучаемую эпоху, когда и сказанія современниковъ, своихъ и чужихъ, и соображенія историковъ, не только «сколько-нибудь знакомыхъ съ эпохою», но прямо-таки прославившихся своими изслѣдованіями по ея исторіи, постоянно говорятъ о «партіяхъ», «фракціяхъ», «сторонахъ», обозначившихся у насъ на политическомъ горизонтѣ въ началѣ XVIII вѣка. Такъ, наприм., не кто иной, какъ С. М. Соловьевъ, постоянно и неуклонно противопоставляетъ «худородныхъ выскочекъ» родовитымъ вельможамъ, говоритъ о ихъ борьбѣ между собою, прямо-таки и называя послѣднихъ «*партіей* родовитыхъ вельможъ» и утверждая, что наиболѣе выдающійся между ними Д. М. Голицынъ думалъ о томъ, что «надобно дать *вельможеству* самостоятельное значеніе, при которомъ оно могло бы не обращать вниманія на фаворитовъ» *). Или, напримѣръ, тотъ же ученый, указавъ, что Екатерина I должна была сдерживать «алчность» Меншикова, добавляетъ, что «сдерживать было необходимо: враждебная ей *сторона* родовитыхъ вельможъ потерпѣла пораженіе, не могла возвести на престолъ великаго князя, *но она существовала и была сильна*, тронуть ее, пренебречь ею было *очень опасно*, а главнымъ виновникомъ неудовольствія *этой партіи* былъ Меншиковъ, всего болѣе оскорбляло громадное подавляющее значеніе этого выскочки...» (стр. 272). Или, въ другомъ мѣстѣ, говоря «о новости, затѣянной въ верх. т. совѣтѣ» (т.-е. ограниченіи Анны), и разбирая составъ совѣта, С. М. Соловьевъ говоритъ, что въ него вошло 4 Долгорукихъ, 2 Голицыныхъ, Головнинъ и Остерманнъ: «шестеро принадлежали къ 2-мъ знатнымъ фамиліямъ, двое къ людямъ, выдвинувшимся въ эпоху преобразованія», и добавляетъ, что здѣсь «*нѣтъ никакого равновѣсія между сторонами, обозначившимися по смерти Петра Великаго*» (XIX, изд. 3, стр. 242 и сл.). Конечно, было бы странно представлять эти «стороны» или «партіи» чѣмъ-либо строго организованнымъ, неизмѣннымъ; но *различіе интересовъ* съ одной стороны, возможность играть при слабыхъ преемникахъ Петра В. *политическую* роль—съ другой (то возводя на престолъ однихъ, то устраняя другихъ, то преобразуя, по-своему, составъ и компетенцію верховныхъ учрежденій и проч.), несомнѣнно давали этимъ партіямъ или сторонамъ

---

*) *Исторія Россіи*, т. XVIII, изд. 3, стр. 263 и сл., 273 и мн. др.; т. XIX, стр. 239, *О партіи, противной Екатеринѣ I*, говоритъ и Арсеньевъ въ своемъ *Царствованіи Екатерины I*, стр. 176. Замѣчу кстати, что я здѣсь не разъ ссылаюсь какъ на свѣдѣнія, такъ и выводы, указываемые С. М. Соловьевымъ въ его *Исторіи Россіи*; дѣлаю я это какъ потому, что, въ виду общедоступности его сочиненія, цитаты мои легко могутъ быть провѣрены любознательными читателями, такъ и потому, что С. М. Соловьевъ извѣстенъ и своею крайнею осторожностью въ выводахъ и высокою добросовѣстностью въ чтеніи памятниковъ; поэтому, если и онъ „вычиталъ“ въ нихъ *то же*, на что указываю я, разрабатывая совершенно новый, по большей части, матеріалъ, то оспариваніе моихъ выводовъ проф. Алексѣевымъ пріобрѣтаетъ нѣсколько странный видъ борьбы противъ того, что подтверждается историкомъ, отлично знающимъ дѣло и глубоко изучившимъ вопросъ во всей его широтѣ...

извѣстное право на существованіе. Разбираемые проф. Алексѣевымъ авторы, говоря о партіяхъ и ихъ стремленіяхъ, конечно, не понимали подъ ними того, что̀ подъ этимъ выраженіемъ разумѣется на современномъ парламентскомъ языкѣ, но опредѣленно обозначившееся послѣ Петра В. и само собою слагавшееся *представительство* интересовъ, защищаемыхъ одною группой лицъ и оспариваемыхъ другою, позволяло обозначать эти группы, какъ партіи. Существованіе этихъ группъ обозначилось уже при вступленіи Екатерины I на престолъ, оно давало знать себя и позднѣе, особенно при воцареніи Анны, въ тѣхъ кругахъ, на которыя разбилось тогдашнее шляхетство и о которыхъ столь обстоятельныя данныя находимъ мы въ изслѣдованіи проф. Д. А. Корсакова. Было бы совершенно ненаучно допустить, что эти «группы» или «партіи», столь энергично заявившія о своемъ существованіи и о своихъ политическихъ взглядахъ въ 1730 г., *вовсе* не существовали еще въ 1725 г., почему и являются досужимъ изобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ авторовъ, обвиняемыхъ проф. Алексѣевымъ «въ вычитываніи» въ документахъ того, чего въ нихъ нѣтъ, въ угоду своимъ тенденціямъ.

Перейду теперь къ тѣмъ обвиненіямъ, какія возводитъ на меня проф. Алексѣевъ по невѣрному или прямо тенденціозному чтенію документовъ эпохи.

По поводу письма Кампредона отъ 3 января 1726 г., цитируемаго какъ П. Н. Милюковымъ, такъ и мною, г. Алексѣевъ замѣчаетъ слѣдующее: «Наши авторы, въ подтвержденіе своего тезиса о политическихъ стремленіяхъ родовитаго боярства, приводятъ только тѣ строки изъ этой выдержки, которыя *подчеркнуты нами* *). Все остальное, очевидно, не представляетъ

---

*) Приведемъ здѣсь цѣликомъ ту часть письма Кампредона, которая указывается проф. Алексѣевымъ для оправданія его возраженія противъ П. Н. Милюкова и меня, подчеркивая въ этой части тѣ слова, которыя подчеркиваетъ самъ авторъ статьи: „Не подлежитъ сомнѣнію,— пишетъ Кампредонъ,— какъ я уже разъ имѣлъ честь докладывать, что если царица разъ предастся австрійскому двору, она станетъ беззавѣтно помогать ему во всемъ. Государыню увлекаютъ на этотъ путь сторонники великаго князя. Весьма многіе русскіе вельможи, втайнѣ враждебные герцогу Голштинскому и оскорбленные тѣмъ, что ему удалось своимъ вліяніемъ привести ко всѣмъ этимъ рѣшеніямъ понимаютъ и знаютъ ихъ опасность, но они хранятъ мертвое молчаніе, въ надеждѣ, что послѣдуетъ какое-либо пораженіе, которое позволитъ имъ выступить впередъ съ полною увѣренностью въ успѣхѣ. Тогда *они уничтожатъ невыносимую власть князя Меншикова, возвратятъ себѣ прежнюю свободу и установятъ форму правленія, подобную существующей въ Швеціи или, по крайней мѣрѣ, въ Англіи*. Таковы, государь, желанія и стремленія большей части бояръ. Весьма вѣроятно, что они воспользовались бы первыми же внутренними смутами, могущими возникнуть въ обширныхъ русскихъ земляхъ, для выполненія этого плана, къ чему голштинцы не разъ подали бы поводъ, еслибъ имъ предоставили дѣйствовать по всей ихъ волѣ. Но, надо полагать, императоръ, какъ скоро ему удастся овладѣть довѣріемъ здѣшняго двора и помѣстить при немъ вліятельнаго министра, позаботится о томъ, чтобы сохранить во всемъ ихъ объемѣ права самодержавной власти, дабы передать ее въ цѣлости своему племяннику и сдѣлать ее орудіемъ своихъ обширныхъ плановъ“ (*Сборн. Р. Ист. Общ.*, т. 64, стр. 186; рецензія г. Алексѣева, стр. 48 и сл.).

для нихъ интереса. Въ самомъ дѣлѣ, приведенное мѣсто, взятое въ цѣломъ, не только не подтверждаетъ ихъ взгляда, а, напротивъ, опровергаетъ его, вкладывая въ подчеркнутыя слова вовсе не тотъ смыслъ, который они хотятъ вложить въ него. Кампредонъ говоритъ здѣсь, съ одной стороны, о приверженцахъ великаго князя, которые поддерживаютъ союзъ съ императоромъ, близкимъ родственникомъ великаго князя, съ другой—о вельможахъ которые противодѣйствуютъ этому союзу. *Эти послѣдніе, а не родовитые вельможи, сторонники великаго князя, мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія.* Приведенное мѣсто отнюдь поэтому не можетъ служить подтвержденіемъ воззрѣній гг. Милюкова и Филиппова, противоставляющихъ худородныхъ вельможъ, съ Меншиковымъ во главѣ, родовитымъ боярамъ, съ Голицынымъ во главѣ, и утверждающихъ, что эти послѣдніе, непосредственно по смерти Петра, стали мечтать о политической самостоятельности» (стр. 49). Прежде всего замѣчу, что хотя изъ указанной выше выдержки изъ письма Кампредона мною, дѣйствительно, взято только нѣсколько словъ *), но взято, во-первыхъ, потому, что слова эти, вопреки мнѣнію г. Алексѣева, вовсе не опровергаются общимъ смысломъ *всего* письма въ цѣломъ, а находятся, какъ увидимъ ниже, въ полномъ съ нимъ соотвѣтствіи; во-вторыхъ эти слова взяты мною изъ письма потому, что они вполнѣ точно и опредѣленно говорятъ какъ о враждѣ старо-русскихъ вельможъ къ кн. Меншикову, такъ и о стремленіи ихъ вернуть себѣ прежнюю свободу, причемъ это извѣстіе находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ данныхъ эпохи. Нѣтъ ничего легче поэтому, какъ доказать, что проф. Алексѣевъ совершенно неправъ, утверждая, что приведенное мѣсто письма не можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія П. Н. Милюкова и моего «о политическихъ стремленіяхъ родовитаго боярства» и пр. и что, наоборотъ, оно «опровергаетъ его, вкладывая въ подчеркнутыя слова вовсе не тотъ смыслъ», какой будто бы мы хотимъ вложить въ него. Каковъ же *истинный* смыслъ письма, столь превратно толкуемаго нами? По объясненію г. Алексѣева, «Кампредонъ говоритъ здѣсь, съ одной стороны, о приверженцахъ великаго князя, которые поддерживаютъ союзъ съ императоромъ, близкимъ родственникомъ великаго князя, съ другой—о вельможахъ, которые противодѣйствуютъ этому союзу. *Эти послѣдніе,* а *не* родовитые вельможи, сторонники великаго князя, *мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія*» (курсивъ нашъ). Итакъ, по толкованію проф. Алексѣева, Кампредонъ будто бы приписываетъ мечту о перемѣнѣ формы правленія *не* ро-

*) На стр. 29 моего изслѣдованія я привожу одну только фразу изъ указанной выше выдержки письма Кампредона, выражаясь такъ: „Стараніе старо-русскихъ вельможъ „de ruiner l'autorité insupportable de prince Menschikoff, de recouvrer leur ancienne liberté", о чемъ говоритъ Кампредонъ"... но и только (дальнѣйшее не относится къ вопросу). Какъ видно изъ самой выдержки письма, Кампредонъ, дѣйствительно, говоритъ это, причемъ слова его не могутъ относиться ни къ кому, кромѣ *бояръ* или старо-русскихъ вельможъ; иначе говоря, я беру у Кампредона то, что представляется неоспоримымъ.

довитымъ вельможамъ, какъ обыкновенно думаютъ, далеко не безъ основаній, наши историки, а какимъ-то другимъ! Весьма жаль, что г. Алексѣевъ не назвалъ этихъ послѣднихъ, доселѣ никому неизвѣстныхъ вельможъ; во всякомъ случаѣ, пока не подлежитъ сомнѣнію, что Кампредонъ-то именно и разумѣетъ подъ этими «мечтателями» не кого иного, какъ старо-русскихъ вельможъ или «бояръ», какъ онъ ихъ называетъ, а не другихъ какихъ-то вельможъ, какъ полагаетъ г. Алексѣевъ. Доказательства въ пользу такого пониманія словъ Кампредона слѣдующія: въ этомъ же письмѣ отъ 3 января Кампредонъ указываетъ на сторонниковъ великаго князя, увлекающихъ Екатерину въ союзъ съ Австріей, и говоритъ о многихъ русскихъ вельможахъ, втайнѣ враждебныхъ герцогу Голштинскому, хранящихъ пока молчаніе и ждущихъ случая, чтобъ уничтожить невыносимую власть князя Меншикова и установить новую форму правленія, прямо заключая свои разсужденія словами: «таковы, государь, желанія и стремленія *большей части бояръ*» («*C'est là,* Sir, où sont tournés les voeux de la *plus grande partie des boyards*», какъ гласитъ французскій текстъ письма). Еслибъ намъ не было изъ учебниковъ русской исторіи извѣстно, что сторонниками великаго князя Петра Алексѣевича были, главнымъ образомъ, *старо-русскіе вельможи* и что они же частію были враждебны герцогу Голштинскому, то, сопоставляя отдѣльныя мѣста письма Кампредона съ приведеннымъ выше его заключеніемъ о «мечтахъ» именно *бояръ,* можно ясно видѣть, что здѣсь рѣчь идетъ не о комъ другомъ, какъ только о старо-русскихъ вельможахъ, такъ какъ Кампредонъ не могъ назвать *боярами* вельможъ худородныхъ... Обращаясь далѣе къ письму Кампредона отъ 15 января (письму, притомъ, прямо и непосредственно слѣдующему за разбираемымъ письмомъ отъ 3 января 1726 г.), мы видимъ, что Кампредонъ повторяетъ сказанное раньше и, притомъ, повторяетъ въ такомъ видѣ, что еще болѣе подтверждаетъ наше утвержденіе, что бояре именно, а вовсе не какіе-то другіе вельможи, думаютъ о перемѣнѣ формы правленія, политической роли и пр. Онъ пишетъ здѣсь слѣдующее: «Я имѣлъ уже честь докладывать вамъ, что большинство именитѣйшихъ русскихъ людей («une grande partie des principaux de cette nation-ci») думаютъ о томъ, какъ бы *ограничить* деспотическую власть своей государыни... Если они будутъ ждать, пока царевичъ возмужаетъ и, взойдя на престолъ, самъ въ состояніи будетъ управлять страною, то попытаться имъ достичь успѣха станетъ уже поздно. Поэтому есть основаніе опасаться, что тѣ, которые разсчитываютъ забрать впослѣдствіи въ руки значительную власть, постараются учредить правленіе на подобіе англійскаго и что они, главнымъ образомъ, поэтому не противятся ни исполненію голштинскихъ затѣй, ни союзу съ Вѣною, въ которые голштинцы же вовлекаютъ царицу. *Бояре* (въ подлинномъ текстѣ этого выраженія нѣтъ, но все время, сказавъ въ началѣ письма о «principaux de cette nation-ci», Кампредонъ говоритъ «ils»; переводчикъ письма, однако, вполнѣ основательно замѣнилъ это мѣстоименіе словомъ «бояре», такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь именно о нихъ) надѣятся, что послѣдствіемъ этихъ

событій явятся такія обстоятельства, которыя позволятъ имъ добиться своей цѣли. Я даже слышалъ изъ вѣрнаго источника, что уже составленъ проектъ новой формы правленія и посланъ къ главнокомандующему кн. Голицыну въ Украйну...; князь же этотъ имѣетъ сношенія съ Вѣною, черезъ генерала Вейсбаха, нѣмца, преданнаго императору. Оба они ревностные сторонники царевича» (*Сб. И. Об.*, т. 64, стр. 196 и сл.). Въ этомъ письмѣ сторонникомъ царевича и союза съ Вѣною названъ кн. М. М. Голицынъ (безспорно, одинъ изъ представителей старо-русскаго боярства), подобно тому, какъ въ письмѣ отъ 3 января сторонниками великаго князя и союза съ Вѣною названы *бояре*. Во французскомъ текстѣ *второго* письма *)

---

*) Касаясь письма отъ 15 января, проф. Алексѣевъ говоритъ еще слѣдующее: „Въ этомъ письмѣ прежде всего неясно, о какихъ именитыхъ людяхъ идетъ рѣчь. Эти именитые люди и не одобряютъ союза съ австрійскимъ императоромъ, стремящимся обезпечить престолъ великому князю, и вмѣстѣ съ тѣмъ они и союзники этого императора и при его содѣйствіи и при помощи украинской арміи замышляютъ государственный переворотъ, имѣющій цѣлію посадить царевича на русскій престолъ“ (стр. 50). При этомъ проф. Алексѣевъ утверждаетъ, что это письмо стоитъ въ противорѣчіи съ письмомъ Кампредона отъ 3 января, гдѣ „Кампредонъ продолжаетъ думать, что императоръ *не намѣренъ вмѣшиваться* во внутреннія дѣла Россіи, *а хочетъ сохранить въ цѣлости не только русскія земли, но и русское самодержавіе, чтобы передать ихъ неприкосновенными своему племяннику*“ (курсивъ нашъ), между тѣмъ какъ въ письмѣ отъ 15 января Кампредонъ „уже другого мнѣнія и видитъ австрійскаго императора въ союзѣ съ кн. Голицынымъ, который во главѣ украинской арміи *наноситъ ударъ Россіи!* (стр. 49). Вотъ ужъ, по-истинѣ, „совершенно-произвольное толкованіе цитатъ!“—могли бы воскликнуть словами самого г. Алексѣева. Кампредонъ будто бы продолжаетъ думать, что „императоръ *не намѣренъ* вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, *а хочетъ* сохранить въ цѣлости не только русскія земли, но и русское самодержавіе“, тогда какъ Кампредонъ, въ дѣйствительности, говоритъ лишь, что австрійскій императоръ, *надо полагать*, позаботится о сохраненіи самодержавія, да и то, если ему удастся овладѣть довѣріемъ русскаго двора и проч., т.-е., иначе говоря, Кампредонъ (какъ извѣстно, французскій полномочный министръ при русскомъ дворѣ) просто выражаетъ здѣсь свои *desiderata* о направленіи политики *иноземнаго* двора; затѣмъ Кампредонъ нигдѣ не приписываетъ австрійскому императору столь противорѣчивыхъ другъ другу дѣйствій: съ одной стороны, политики невмѣшательства въ русскія дѣла, съ другой—стремленія сохранить русскія земли и самодержавіе и проч., а говоритъ лишь о второмъ (ibid.). М. М. Голицынъ „во главѣ украинской арміи *наноситъ ударъ Россіи*“, тогда какъ изъ писемъ того же Кампредона, не говоря уже о другихъ источникахъ, извѣстно, что все, на что могъ бы рѣшиться Голицынъ, сводилось къ возведенію на престолъ в. кн. Петра Алексѣевича! Но неужели возвести на престолъ единственнаго внука Петра Великаго значило „нанести ударъ Россіи?“ Едва ли согласились бы съ такимъ взглядомъ на вопросъ современники... Далѣе, что касается существа дѣла, то мы не видимъ никакого противорѣчія между разбираемыми письмами Кампредона. Наоборотъ, внимательно вчитавшись въ нихъ, видно, во-первыхъ, вполнѣ ясно, о какихъ именно именитыхъ людяхъ говоритъ Кампредонъ, а во-вторыхъ, не подлежитъ, на нашъ взглядъ, сомнѣнію, что Кампредонъ вовсе не думалъ (какъ полагаетъ это г. Алексѣевъ) заставлять этихъ людей въ одно и то же время *искать* союза съ императоромъ и *не одобрять* его, что было бы черезчуръ странно. Несомнѣнно, что ищутъ союза тѣ же люди, которые не одобряютъ „голштинскихъ затѣй“ и вмѣстѣ не противятся заключенію этого союза самою Екатериною, такъ какъ союзъ этотъ былъ въ ихъ видахъ.

этого термина нѣтъ, но едва ли подъ выраженіемъ «les principaux de cette nation-ci» можно разумѣть вельможъ худородныхъ, стремящихся притомъ ограничить власть Екатерины, думающихъ объ учрежденіи «правленія на подобіе англійскаго» и не мѣшающихъ исполненію «голштинскихъ затѣй», которыя невольно вовлекаютъ императрицу въ союзъ съ Вѣною, заставляя ее предаться австрійскому дому, о чемъ говоритъ Кампредонъ въ письмѣ отъ 3 января. Какъ это письмо само по себѣ, такъ и сопоставленіе его съ письмомъ отъ 15 января заставляютъ придти къ выводу, что, вопреки проф. Алексѣеву, *не* родовитые, а какіе-то другіе (имъ не называемые) вельможи «мечтаютъ о перемѣнѣ формы правленія» и проч., по Кампредону—именно бояре и являются такими мечтателями; слѣдовательно, можно говорить, на основаніи свѣдѣній названнаго лица, о стремленіи ихъ къ *политической* роли, а, слѣдовательно, въ свою очередь, увѣреніе г. Алексѣева, что П. Н. Милюковъ и я *хотимъ* вложить въ слова Кампредона «не тотъ смыслъ», совершенно несправедливо. Какъ въ цѣломъ, такъ и въ тѣхъ наиболѣе важныхъ словахъ, какія цитируются нами изъ этихъ писемъ, видно ясно одно только: дѣло идетъ, по Кампредону, о боярахъ и ихъ мечтаніяхъ («les voeux de la plus grande partie des boyards») и не о чемъ другомъ. Предлагая свое толкованіе указанныхъ писемъ и оспаривая наше, проф. Алексѣевъ не далъ убѣдительныхъ данныхъ въ пользу перваго и не опровергъ второго... При этомъ, цитируя почти цѣликомъ обширныя письма Кампредона, почтенный ученый ставитъ намъ въ упрекъ, что, «минуя все остальное содержаніе, не исключая и злобныхъ выходокъ противъ Россіи», мы выписываемъ «только тѣ фразы, въ которыхъ *упоминается* о стремленіи вельможъ вернуть прежнюю свободу, установить новую форму правленія и ограничить деспотическую власть государыни» (стр. 48). Трудно понять, въ чемъ здѣсь погрѣшили мы противъ научной правды. Да, мы взяли у Кампредона то, что касалось поставленныхъ у насъ въ изслѣдованіи вопросовъ, то, что при этомъ вовсе не стояло въ противорѣчіи съ общею связью событій, разсказанныхъ какъ Кампредономъ, такъ и другими современниками. Да, мы исключили «злобныя выходки противъ Россіи», такъ какъ писали вовсе не объ отношеніи иностранцевъ къ Россіи; наконецъ, мы не коснулись подробно длинныхъ разсказовъ Кампредона о личныхъ счетахъ борющихся сторонъ, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, хотя бы просто потому, что все это давно изложено, въ общемъ, у Соловьева, Брикнера и др. Было бы странно, однако, еслибы мы выкинули приведенныя выше слова Кампредона изъ общей связи извѣстій изучаемой эпохи...

Нельзя, наконецъ, не коснуться еще одного обвиненія, направленнаго противъ меня почтеннымъ рецензентомъ и также касающагося толкованія источниковъ. Такъ, въ своемъ изслѣдованіи я, между прочимъ, указываю на то, что слухи о возникновеніи верховнаго тайнаго совѣта стали ходить въ обществѣ *ранѣе* созданія этого учрежденія, и въ доказательство ссылаюсь на свидѣтельство Лефорта отъ 1 мая и Кампредона отъ 3 мая 1725 года, затѣмъ на письмо Кампредона отъ *15 января 1726 г.*, приводя въ

заключеніе его же письмо отъ 23 февраля того же года, гдѣ Кампредонъ, уже послѣ созданія совѣта, повторяя свой разсказъ объ *ограничительномъ* характерѣ новаго учрежденія, сообщаетъ свѣдѣнія объ отношеніи его къ сенату и проч. (стр. 22—25 моей книги). Проф. Алексѣевъ по поводу этого говоритъ слѣдующее: «и вотъ, чтобъ установить эту *несуществующую* въ дѣйствительности связь приведенныхъ свидѣтельствъ съ учрежденіемъ верховнаго тайнаго совѣта, проф. Филипповъ прибѣгаетъ *къ совершенно-необычайному въ научномъ изслѣдованіи пріему.* Приведя извѣстія Лефорта отъ 1 мая и Кампредона отъ 3 мая о предположеніи учредить верховный тайный совѣтъ, г. Филипповъ продолжаетъ: «въ донесеніи отъ 15 января 1726 г. Кампредонъ опять повторяетъ слухъ о новомъ учрежденіи, хотя и нѣсколько въ другой формѣ: иниціатива учрежденія, по его новому разсказу, исходитъ уже не отъ государыни, а отъ именитѣйшихъ русскихъ людей, которые думаютъ о томъ, какъ бы ограничить деспотическую власть своей государыни». «*Читатель имѣетъ передъ глазами письмо отъ 15 января* (оно приведено проф. Алексѣевымъ въ его рецензіи); *въ немъ ни слова не говорится о верховномъ тайномъ совѣтѣ; утвержденіе г. Филиппова поэтому является совершенно-произвольнымъ истолкованіемъ приведенной имъ цитаты*» (стр. 51). Итакъ, какъ ясно изъ приведенныхъ словъ проф. Алексѣева, я обвиняюсь имъ въ тяжкомъ промахѣ, а именно—я включилъ письмо Кампредона *отъ 15 января* въ число свидѣтельствъ о готовящемся событіи—учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта,—тогда какъ въ немъ *ни слова не говорится о верховномъ тайномъ совѣтѣ*, почему оно и не можетъ быть поставлено въ связь съ письмами Кампредона отъ 3 мая 1725 г. и 23 февраля 1726 г., гдѣ и по мнѣнію г. Алексѣева объ этомъ учрежденіи упоминается. Съ перваго раза, прочтя письмо Кампредона отъ 15 января, можно подумать, что обвиненіе проф. Алексѣева вполнѣ основательно, такъ какъ въ письмѣ этомъ *верховный тайный совѣтъ вовсе не называется.* Тѣмъ не менѣе, включая письмо это въ число свидѣтельствъ о готовящемся событіи, я имѣлъ на это цѣлый рядъ важныхъ соображеній, которыя мною и будутъ теперь изложены. Именно, сравнивая письмо Кампредона отъ 15 января съ его же письмомъ отъ 23 февраля 1726 г., т.-е., иначе говоря съ письмомъ, написаннымъ тотчасъ *послѣ* учрежденія совѣта,—я замѣтилъ, что Кампредонъ характеризуетъ это новое учрежденіе тѣми же почти чертами, какъ и тотъ проектъ новой формы правленія («projet de la nouvelle forme de gouvernement»), о которомъ онъ говоритъ въ письмѣ *отъ 15 января*, т.-е. въ письмѣ, написанномъ *незадолго* до созданія совѣта *). Именно, въ письмѣ отъ 15 января онъ говоритъ, что большинство именитѣйшихъ русскихъ людей («grande partie des principaux de cette

*) Совѣтъ учрежденъ 8 февраля 1726 г. (или 20 февраля по новому стилю); *первое* (изъ разбираемыхъ) письмо Кампредона написано 15 января 1726 г., или 3 января по нашему стилю, *второе*—23 февраля, или 11 февраля по тому же стилю, т.-е. спустя три дня по учрежденіи совѣта. Между первымъ и вторымъ письмомъ прошло, слѣдовательно, всего *пять* недѣль.

nation-ci») думаетъ о томъ, какъ бы *ограничить* деспотическую властъ своей государыни, что «есть основаніе опасаться, что тѣ, которые разсчитываютъ забрать впослѣдствіи въ руки значительную долю власти, постараются *учредить правленіе на подобіе англійскаго*, и что, наконецъ, онъ слышалъ изъ вѣрнаго источника, что уже составленъ *проектъ новой формы правленія* и посланъ къ главнокомандующему *князю Голицыну* въ Украйну, откуда, вѣроятно, и послѣдуетъ первый ударъ» (*Сб. И. Об.*, 64, стр. 199 и сл.; ср. у пр. Алексѣева стр. 50). Мнѣ представлялось вполнѣ вѣроятнымъ предположить, что подчеркнутыя слова Кампредона *о новомъ* учрежденіи «на подобіе англійскаго» или о «новой формѣ правленія», имѣющей своею цѣлью *ограничить* власть императрицы, относятся *именно* къ верховному тайному совѣту. Данныя эти, какъ сказано, лежатъ прежде всего въ письмѣ Кампредона отъ 23 февраля 1726 г. Въ этомъ письмѣ (написанномъ уже *послѣ* учрежденія совѣта) Кампредонъ описываетъ обстоятельства учрежденія совѣта, личный его составъ и даетъ *характеристику* совѣта, *повторяя* частью то, что онъ сказалъ въ письмѣ 15 января того же года, т.-е. всего за *пять* недѣль, *о новомъ, не названномъ имъ по имени, учрежденіи*. Такъ онъ говоритъ въ письмѣ отъ 23 февраля, что даетъ своему правительству отчетъ о событіи, тѣмъ болѣе важномъ, что, *подъ внѣшнимъ видомъ желанія укрѣпить власть* и правительство царицы, оно, кажется, кладетъ первый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, т.-е. усиленія ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи дѣлами здѣшней страны», т.-е., иначе говоря, онъ подчеркиваетъ вновь *ограничительный* характеръ верховнаго тайнаго совѣта, какъ подчеркивалъ раньше *ограничительный* характеръ того *новаго* учрежденія, о которомъ онъ говорилъ въ письмѣ отъ 15 января 1726 г. Затѣмъ далѣе онъ находитъ, что верховный тайный совѣтъ «по существу своему представляетъ первый шагъ *къ перемѣнѣ формы правленія*», добавляя, что «русскіе стремятся сдѣлать его менѣе деспотичнымъ», что «многихъ удерживало въ этомъ стремленіи только малолѣтство великаго князя и то, что у нихъ не было вождя, способнаго вести и поддерживать ихъ. Теперь, когда наступитъ благопріятный моментъ, они этому риску не подвергнутся болѣе, такъ какъ постараются, безъ сомнѣнія, утвердить свое вліяніе и *незамѣтно ограничить* самодержавную власть, заставляя ее жаловать такія привилегіи, которыя создадутъ возможность *учредить и поддержать правленіе, подобное англійскому*. Весьма вѣроятно, что учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта именно въ этихъ-то видахъ и послѣдовало». Что же касается самихъ переговоровъ объ учрежденіи совѣта, то, разсказавъ о нихъ, Кампредонъ заключаетъ свое описаніе такими словами: «вотъ къ чему привели, наконецъ, тайныя совѣщанія Толстого съ кн. Меншиковымъ и *Голицынымъ* и съ адмираломъ Апраксинымъ» (*Сб. И. Об.* LXIV, стр. 253 и сл.; ср. у проф. Алексѣева стр. 51 и сл.). Такимъ образомъ, верховный тайный совѣтъ, вскорѣ послѣ его созданія, представляется Кампредону не только

учрежденіемъ, могущимъ *ограничить* самодержавную власть (какъ то новое учрежденіе x, о которомъ онъ говорилъ въ письмѣ отъ 15 января), но и учрежденіемъ, которое создастъ у насъ *правленіе подобное англійскому* (опять-таки, какъ и новая форма правленія, упоминаемая въ письмѣ отъ 15 января). Наконецъ, какъ это предполагаемое созданіе совѣта не было скрыто отъ одного изъ видныхъ дѣятелей эпохи—кн. Д. М. Голицына, такъ и проектъ новой формы правленія былъ посланъ другому дѣятелю, брату перваго, кн. М. М. Голицыну, дѣйствовавшему, какъ это извѣстно, за одно съ нимъ. Какъ это сходство (по описанію Кампредона) основныхъ чертъ верховнаго тайнаго совѣта съ тою *новою формою правленія*, о которой онъ говоритъ въ письмѣ 15 января, такъ и то обстоятельство, что письмо это было послано *всего* за пять недѣль до учрежденія совѣта и что у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о какомъ-либо *другомъ* проектѣ реформы, который стоялъ бы внѣ связи «съ тайными совѣщаніями» указанныхъ выше главныхъ дѣятелей событія,—неизбѣжно заставили насъ предположить, что въ письмѣ отъ 15 января не могло идти рѣчи ни о какомъ другомъ учрежденіи, кромѣ верховнаго тайнаго совѣта, вскорѣ затѣмъ, дѣйствительно, и явившагося на свѣтъ. Упоминаніе въ письмѣ 15 января, какъ и въ письмѣ 23 февраля, фамиліи Голицыныхъ также представлялось для насъ характернымъ. Именно, въ письмѣ отъ 15 января говорится, что проектъ новой формы правленія былъ посланъ кн. М. М. Голицыну въ Украйну. Знаменитый фельдмаршалъ, какъ извѣстно, «въ общественныхъ дѣлахъ всецѣло подчинялся старшему брату своему, князю Дмитрію Михайловичу» (Д. А. Корсаковъ: *Воцареніе Анны*, стр. 39); извѣстна также близкая связь кн. Дмитрія Михайловича съ Генрихомъ Фикомъ, задумавшимъ уже давно учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта *). Въ письмѣ отъ 23 февраля Кампредонъ также указываетъ на кн. Дмит. Мих. какъ на одного изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ созданіи совѣта. Намъ поэтому казалось, что *новая форма правленія*, посланная къ М. М. Голицыну незадолго до учрежденія совѣта, имѣетъ, въ виду указанныхъ соображеній, прямое отношеніе именно къ этому новому учрежденію. Для всякаго безпристрастнаго читателя очевидно, что, включая письмо 15 января въ число свидѣтельствъ о готовящемся событіи, мы вовсе не примѣнили какого-то «необычайнаго въ научномъ изслѣдованіи пріема», какъ думаетъ г. Алексѣевъ. Правда, повторяемъ, письмо отъ 15 января *не называетъ прямо в. т. совѣта*, когда говоритъ о какой-то «новой формѣ правленія», но, однако, оно характеризуетъ эту «новую форму» чертами, которыя очень подходятъ подъ описаніе верховнаго тайнаго совѣта, даваемаго тѣмъ же Кампредономъ. Здѣсь

*) На эту связь кн. Д. М. Голицына съ Г. Фикомъ указалъ уже П. Н. Милюковъ въ его сочиненіи *Государственное хозяйство Россіи* и пр. стр. 678 сл. Поздвѣе, уже по напечатаніи въ 1893 г. первой главы моего изслѣдованія *Исторія сената*, П. Н. Милюковъ, въ извѣстной статьѣ своей—„попытка государственной реформы при воцареніи Анны Іоанновны“ (*Сборникъ въ пользу воскресныхъ школъ*)—еще подробнѣе развилъ эту мысль, подтвердивъ ее рядомъ новыхъ доводовъ.

мною допускается вполнѣ вѣроятная,—по моему соображенію,—гипотеза, и если она представляется пр. Алексѣеву неосновательной, то съ его стороны было бы гораздо проще и лучше *прямо* указать (вмѣсто голословныхъ обвиненій въ «необычайномъ пріемѣ» и «произвольномъ истолкованіи» указанной цитаты изъ письма 15 января), *къ чему же* именно, если не къ проекту будущаго верховнаго тайнаго совѣта (какъ думаю я), *относятся* слова этого письма «объ учрежденіи правленія на подобіе англійскаго, о проектѣ новой формы правленія, о Голицынѣ и пр.; тогда бы вопросъ разрѣшился самъ собою, и я, можетъ быть, отказался бы отъ своего предположенія, которое пока остается для меня вполнѣ вѣроятнымъ... Замѣчу кстати, что если слѣдовать методу проф. Алексѣева и брать при изученіи исторіи учрежденія только тѣ документы, гдѣ это учрежденіе *прямо* названо, то дѣло изученія, конечно, весьма облегчится для изслѣдователя, такъ какъ послѣдній обратится тогда въ простого собирателя *очевиднаго*. Но, кажется, изслѣдователь можетъ идти дальше, онъ можетъ *попытаться* привлечь къ изученію матеріалъ, гдѣ даются *косвенныя*, но важныя указанія о предметѣ. Мнѣ представляется, что было бы съ моей стороны болѣе «необычно», еслибъ я умолчалъ о такихъ данныхъ и не включилъ бы ихъ въ кругъ своихъ выводовъ, пока научная критика не доказала бы, что они къ данному вопросу не относятся.

Но не только то или иное толкованіе первоисточниковъ оспаривается проф. Алексѣевымъ въ его разборѣ моего изслѣдованія, оспариваются имъ также и тѣ выводы, къ которымъ я прихожу здѣсь. Попытаемся теперь коснуться и этой части разбора проф. Алексѣева.

III.

Разбирая прежде всего мои выводы, касающіеся отношеній Екатерины I къ совѣту, проф. Алексѣевъ пытается съ одной стороны найти между ними противорѣчіе, легко, однако, устранимое при болѣе внимательномъ чтеніи моей книги *), съ другой—приписываетъ моимъ словамъ совершен-

*) Такъ по поводу моихъ словъ о близости императрицы къ совѣту („*если судить только по этимъ внѣшнимъ формамъ сношеній съ императорскою властію*, то совѣтъ былъ, конечно, совѣтомъ *при* особѣ государя, или при дворѣ его. Дѣйствительно, императрица близко стояла къ совѣту, то участвуя въ его засѣданіяхъ, то принимая членовъ совѣта лично, то, наконецъ, сообщая ему къ исполненію свои именные указы“ и проч.), проф. Алексѣевъ замѣчаетъ (стр. 59) иронически слѣдующее: „хотя это было „дѣйствительно“ такъ, „по въ дѣйствительности,— продолжаетъ г. Филипповъ,—роль в. т. совѣта *шла гораздо дальше*, мы вообще можемъ указать мало случаевъ, когда императрица дѣйствовала самостоятельно по отношенію къ совѣту, когда бы она давала не только одну свою подпись подъ указы, составленные въ совѣтѣ, но и внимательно вникала въ его рѣшенія“ и пр. (стр. 59). Внимательно прочтя какъ указанныя, такъ и другія, относящіяся къ вопросу, мѣста моей книги, легко замѣтить, что я пытаюсь (стр. 47—66) дать характеристику отношеній Екатерины къ совѣту какъ по *внѣшней* формѣ, такъ и во *внутреннему* ихъ содержанію, причемъ доказываю, что если *по формѣ* этихъ отношеній и можно счи-

но невѣроятный смыслъ. Такъ, характеризуя дѣятельность совѣта, я, между прочимъ, замѣчаю слѣдующее: «до конца царствованія (Екатерины), почти всегда не въ полномъ составѣ, совѣтъ дѣлаетъ тѣ или иныя постановленія, получающія силу закона, подъ видомъ именныхъ указовъ, состоявшихся въ совѣтѣ, хотя, въ дѣйствительности, императрица и не знаетъ о нихъ» (стр. 58 моей книги). «Это утвержденіе,—категорически замѣчаетъ г. Алексѣевъ,—переведенное на языкъ юриста, можетъ имѣть *лишь тотъ смыслъ*, что указы, объявляемые изъ в. т. совѣта, въ большинствѣ случаевъ издавались безъ утвержденія императрицы, т.-е. *съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ*. Г. Филипповъ, другими словами, утверждаетъ, что *большинство законовъ*, напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи законовъ за періодъ времени отъ 8 февраля 1726 по 6 мая 1727 г., *никакой юридической силы не имѣютъ*, а являются не чѣмъ инымъ, какъ голыми фактами, лишь по недоразумѣнію попавшими въ нашъ сборникъ законовъ» (стр. 60 рецензіи). Конечно, отрицать «юридическую силу» законовъ, какъ напечатанныхъ, такъ и не напечатанныхъ въ П. С. Законовъ, совершенно безсмысленно, и едва ли найдется юристъ, которому могло бы придти въ голову нѣчто подобное. Неужели же я повиненъ въ такой безсмыслицѣ? И не слишкомъ ли ужъ вольно «переводитъ на языкъ юриста» проф. Алексѣевъ приведенное выше мое утвержденіе? Достаточно указать здѣсь на тѣ данныя, на которыхъ я основалъ свой выводъ, чтобъ убѣдиться, что «переводъ» проф. Алексѣева не имѣетъ ничего общаго съ подлиннымъ смысломъ моихъ словъ. Какъ видно изъ сказаннаго выше, совѣтъ дѣлалъ тѣ или иныя постановленія, получающія силу закона, подъ видомъ *именныхъ* указовъ, состоявшихся въ совѣтѣ, хотя, въ дѣйствительности, императрица и не знаетъ о нихъ. Значитъ ли, однако, что эти указы издавались *съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ?* Конечно, нѣтъ, такъ какъ такихъ «основныхъ законовъ», которые требовали, чтобы *всѣ* указы совѣта непремѣнно утверждались императрицею, не было, а, наоборотъ, былъ именной указъ, отправленный изъ совѣта сенату, «по всемилостивѣйшему соизволенію и апробаціи» его Екатериною, который между прочимъ, гласилъ слѣдующее: «въ в. т. совѣтѣ, хотя при присутствіи ея имп. величества, *хотя и во отсутствіи*, крѣпить, что о чемъ опредѣлено будетъ, протоколы, резолюціи, всѣмъ назначеннымъ особамъ в. т. совѣта. *А съ того надлежащіе куда указы посылать за закрѣпою*, въ верховномъ же тайномъ совѣтѣ обрѣтающагося члена иностранной коллегіи, д. ст. с. В. Степанова» (VII, № 4830). Въ другомъ указѣ, данномъ въ дополненіе къ первому, Екатерина категорически говоритъ, что «нынѣ мы

тать совѣтъ учрежденіемъ, состоящимъ *при* особѣ монарха, или при дворѣ его (какъ обыкновенно думаютъ), то разборъ *внутренняго* содержанія дѣятельности совѣта заставляетъ придти къ выводу, что роль совѣта шла дальше, и онъ не былъ *только* совѣщательнымъ учрежденіемъ. Здѣсь, такимъ образомъ, нѣтъ противорѣчія въ выводѣ, а есть указаніе на *двѣ* стороны отношеній—по формѣ и по сущности—на стороны, въ данномъ случаѣ между собою не совпадающія.

указали изъ нашего в. т. совѣта, въ которомъ мы сами присутствуемъ и президенство имѣемъ, *отправлять наши указы* въ сенатъ и въ другія всѣ мѣста, куда потребно будетъ, *именемъ нашимъ*, а именно: въ началѣ писать «Божіею милостію, мы Екатерина, императрица и самодержица всероссійская, и проч., и проч., и проч.». Въ серединѣ, гдѣ пристойно и къ сенсу будетъ (гдѣ, т.-е., необходимо по смыслу)—«повелѣваемъ». А во окончаніи: данъ въ нашемъ в. т. совѣтѣ. *И которые не будутъ за собственною нашею рукой* и въ тѣхъ по датумѣ будетъ писано «по нашему указу» (ibid., № 4862), или, какъ я указываю въ моей книгѣ, въ указахъ второго рода «по датумѣ» ставится обычно «ея имп. величество указала» (стр. 31, пр. 14). Итакъ, *всѣ* указы, идущіе изъ совѣта, суть указы *именные* *), состоялись ли они въ присутствіи, или *въ отсутствіи* Екатерины, причемъ подписанные императрицею указы выходили въ свѣтъ по одной формѣ, не подписанные же—по другой. Затѣмъ вовсе не требовалось непремѣнно, чтобы *всѣ* эти именные, прошедшіе черезъ совѣтъ, указы утверждались императрицею, а, слѣдовательно, тѣ изъ нихъ, которые не шли на ея утвержденіе, не имѣли бы—по «переводу» г. Алексѣева—«никакой юридической силы». Въ третьемъ пунктѣ извѣстнаго «мнѣнія не въ указъ», въ утвержденной Екатериною редакціи, прямо сказано слѣдующее: «чтобы *о важныхъ дѣлахъ*, поставя протоколы и на мѣрѣ, и не подписавъ напередъ *для апробаціи къ ея имп. величеству взносить* одной (персонѣ), по случаю смотря, по важности дѣла, и двумъ персонамъ, присутствующимъ отъ того в. т. совѣта, *и какъ уже ея имп. величество изволитъ апробовать, тогда подписывались и въ дѣйство производить*» (*Сб. Ист. Общ.*, т. 55, стр. 96 и сл.). Итакъ, несмотря на то, что всѣ указы совѣта *именные*, даже держась буквальнаго смысла этого постановленія, надо признать, что лишь протоколы *о важныхъ дѣлахъ* должны были взноситься на апробацію государыни, затѣмъ подписываться членами совѣта и «производиться въ дѣйство», т.-е. содержащіеся въ протоколахъ проекты указовъ, по утвержденіи ихъ императрицею, должны были затѣмъ установленнымъ порядкомъ разсылаться «куда надлежало». Такъ какъ, однако, законъ не опредѣлялъ точно, что надо было разумѣть подъ «важными дѣлами», то на практикѣ могло случаться (да и дѣйствительно случалось) **), что дѣла, казавшіяся императрицѣ важными, могли не поступать къ ней «на апробацію», по тѣмъ или инымъ причинамъ. Основываясь на томъ, что въ журналахъ совѣта *отмѣчаются* случаи восхожденія отдѣльныхъ протоколовъ на утверж-

---

*) Уже по полному собранію законовъ видно, что всѣ указы, прошедшіе черезъ совѣтъ, называются „именными, объявленными изъ в. т. совѣта“ указами (VII, №№ 4836, 4837 и др.). Самъ г. Алексѣевъ считаетъ указы, объявленные изъ в. т. совѣта, *именными*, утверждая лишь при этомъ, что всѣ они имѣли „апробацію“ Екатерины (ibid, стр. 57).

**) Такъ, наприм., Екатерина узнавъ, что предполагается казнить смертною казнію *черезъ сожженіе* нѣкоего Бѣляева, потребовала у юстицъ-коллегіи объясненія, „для чего, *въ присутствіи ея въ резиденціи*, такою казнію, которая не всегда слу-

деніе императрицы, и принимая во вниманіе, что относительно многихъ протоколовъ такихъ отмѣтокъ *нѣтъ*, я предполагаю, что указы совѣта, въ нихъ содержащіеся, не были всегда извѣстны Екатеринѣ, и въ доказательство этого привожу примѣры постановленій совѣта, которыя вступили въ дѣйствіе *безъ доклада* императрицѣ, добавляя, что на это совѣтъ *de jure* имѣлъ право, такъ какъ, конечно, не долженъ былъ представлять императрицѣ на утвержденіе *всѣхъ* своихъ протоколовъ, содержащихъ тексты тѣхъ опредѣленій или постановленій совѣта. Проф. Алексѣевъ, разбирая указанные мною примѣры, долженъ былъ признать, что въ соотвѣтствующихъ журналахъ *нѣтъ* отмѣтокъ о докладѣ данныхъ дѣлъ императрицѣ, какъ нѣтъ и свѣдѣній объ утвержденіи ею этихъ докладовъ, но даетъ на это такое объясненіе: «если объ этомъ докладѣ и объ этомъ утвержденіи ничего не говорится въ журналахъ в. т. совѣта, то по той простой причинѣ, что въ эти журналы вносилось *только* то, что происходило въ засѣданіяхъ в. т. совѣта. Доклады же императрицѣ и утвержденіе ею мнѣній в. т. совѣта были актами, происходившими за стѣнами в. т. совѣта, и въ журналы не вносились и въ протоколахъ не отмѣчались. Если же о нихъ *иногда* упоминаютъ журналы, то только въ случаяхъ *исключительныхъ*, когда по какому-либо особому поводу возникала необходимость довести о нихъ *до свѣдѣнія* в. т. совѣта. Врядъ ли такимъ исключительнымъ случаемъ могло быть увольненіе экзекутора Лукина (одинъ изъ приведенныхъ мною примѣровъ). Неудивительно, что апробація императрицею этого увольненія не оставила слѣдовъ въ журналахъ в. т. совѣта» (стр. 60 и сл.). Все приведенное объясненіе нисколько не согласуется съ обстоятельствами дѣла, а потому и не можетъ быть принято. Такъ, прежде всего, совершенно невѣрно, что въ журналы совѣта вносилось *только то*, что происходило на засѣданіяхъ в. т. совѣта. Уже изъ словъ самого проф. Алексѣева видно, что въ исключительныхъ случаяхъ въ нихъ помѣщалось и то, что происходило «за стѣнами в. т. совѣта»; въ дѣйствительности же въ нихъ *постоянно* отмѣчалось все, что имѣло отношеніе къ совѣту и его дѣятельности, безразлично, происходило ли это на засѣданіяхъ совѣта, или внѣ его «стѣнъ» *). Затѣмъ авторъ рецензіи думаетъ, что о докладахъ дѣлъ императрицѣ и объ утвержденіи ею мнѣній в. т. совѣта упоминалось только въ случаяхъ исключительныхъ, *когда по какому-либо особому поводу возникала необходимость довести о нихъ до*

чается, человѣка хотятъ отъ коллегіи сжечь, *не объявя*" ей; затѣмъ послѣдовалъ указъ, коимъ повелѣвалось „о винахъ" лицъ, присужденныхъ къ смертной казни или политической смерти, „подавать ея имп. величеству въ в. т. совѣтѣ краткіе экстракты, *не чиня экзекуціи*" (*Исторія сената*, стр. 114 и слѣд.).

*) Это не значитъ, конечно, что въ журналахъ совѣта всегда помѣщалось бы полностью все то, что говорилось или дѣлалось въ совѣтѣ; наоборотъ, и въ моей книгѣ отмѣчена излишняя краткость журнальныхъ отмѣтокъ и умолчаніе ихъ о множествѣ важныхъ подробностей; но это значитъ, что отмѣчалось все, что признавалось нужнымъ отмѣтить, безъ всякаго отношенія къ тому, происходило ли отмѣчаемое въ самомъ совѣтѣ, или внѣ его.

свѣдѣнія в. т. совѣта. Едва ли требуетъ доказательствъ то соображеніе, что совѣту,—какъ и всякому учрежденію, докладывающему о своемъ рѣшеніи высшей инстанціи,—*всегда*, а не въ исключительныхъ только случахъ, *надо было знать* «объ апробаціи» или отклоненіи своихъ мнѣній императрицей, такъ какъ иначе совѣтъ не зналъ бы, приводить ли ему въ исполненіе свое постановленіе, или нѣтъ. Авторъ рецензіи думаетъ, что «врядъ ли» апробація императрицей увольненія экзекутора Лукина (коего совѣтъ постановилъ уволить *), должна была быть доведена до свѣдѣнія совѣта. Но въ такомъ случаѣ, какъ же совѣтъ узналъ бы объ утвержденіи его постановленія императрицею, и не въ правѣ ли мы предполагать, что совѣтъ привелъ въ исполненіе свое постановленіе *безъ* утвержденія императрицы, которое, по мнѣнію г. Алексѣева, даже «не было необходимости сообщать совѣту». Не проще ли, однако, предположить, не прибѣгая ко всѣмъ этимъ хитросплетеніямъ, что совѣтъ здѣсь (какъ и въ другихъ случаяхъ) вовсе и не ждалъ утвержденія императрицы, такъ какъ имѣлъ самъ право посылать указы, въ извѣстныхъ случаяхъ, безъ доклада о нихъ государынѣ? Да и почему бы не допустить уже *a priori* такого права у верховнаго учрежденія, какъ совѣтъ, когда правомъ посылки указовъ, безъ утвержденія ихъ всякій разъ императрицею, пользовались, наприм., сенатъ, синодъ? Правда,

---

*) Относительно увольненія Лукина читаемъ въ протоколѣ совѣта отъ 28 марта 1727 г. слѣдующее: „Ея и. величество пожаловала, по челобитью майора и синодскаго экзекутора Б. Лукина, въ городѣ Орлѣ съ воеводою, подполковникомъ Гр. Трепецкимъ въ товарищахъ *не быть*"; къ протоколу приложена челобитная Лукина на высочайшее имя, поданная по обычаю въ совѣтъ. Можно бы было предположить, судя по тексту указа, что императрица сама уволила Лукина или, по крайней мѣрѣ, утвердила рѣшеніе совѣта; но о послѣднемъ нѣтъ отмѣтокъ въ журналахъ совѣта, а первому предположенію противорѣчитъ запись журнала, свидѣтельствующая, что челобитье Лукина удовлетворено *самимъ* совѣтомъ „*согласно рѣшено* его, Лукина..., *отрѣшить*" (*Сб. Р. Ист. Общ.*, т. LXIII, стр. 436, 426). Допустимъ предположеніе, что императрица *утвердила* это постановленіе совѣта, хотя объ этомъ и нѣтъ отмѣтки въ журналахъ. Но, по толкованію проф. Алексѣева, не было и необходимости доводить объ этомъ утвержденіи до совѣта, по незначительности случая! Что же, однако, это за утвержденіе рѣшенія, о которомъ рѣшающая дѣла инстанція даже и не извѣщается и для чего должно было служить такое утвержденіе? Не проще ли предположить, что, именно вслѣдствіе незначительности разбираемаго случая, совѣтъ могъ (на основаніи 3-го пункта „мнѣнія не въ указъ") не доводить дѣла до свѣдѣнія императрицы и разрѣшилъ его поэтому самъ. Не останавливаемся пока на объясненіи другого случая, давшаго поводъ къ указу 10 апрѣля 1727 г. (VII, № 5057) и также состоявшагося, по нашему мнѣнію, *безъ* доклада императрицѣ (*Исторія сената*, стр. 58), такъ какъ г. Алексѣевъ, опровергая наше мнѣніе, не приводитъ никакихъ положительныхъ данныхъ въ пользу того положенія, что дѣло было *доложено* Екатеринѣ, а ограничивается лишь простымъ предположеніемъ, которое не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ рѣшающаго значенія (см. ibid., стр. 61). Замѣтимъ кстати, что какъ здѣсь, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, для рѣшенія вопроса автору спеціальнаго изслѣдованія о верховномъ тайномъ совѣтѣ слѣдовало бы обратиться къ архивнымъ документамъ совѣта и личнаго кабинета Екатерины I, чего г. Алексѣевъ, однако, не дѣлаетъ, почему его возраженія не всегда основаны на положительныхъ данныхъ.

всѣ указы совѣта были *именные*, но это объяснялось *положеніемъ* совѣта, категорическимъ предписаніемъ закона, что такъ какъ «мы сами (т.-е. императрица) присутствуемъ и президенство (въ совѣтѣ) имѣемъ», то и указы изъ совѣта отправляются «куда потребно будетъ—*именемъ нашимъ*» (VII, № 4862). Протоколы совѣта, содержащіе тѣ или иные его постановленія, *могли* не поступать на утвержденіе императрицы, но это, по вышеуказаннымъ соображеніямъ, конечно, не лишало ихъ юридической силы и значенія, такъ какъ такое утвержденіе предполагалось само собою, подобно тому, какъ предполагалось, что императрица «присутствуетъ и президенство имѣетъ» въ совѣтѣ, хотя, въ дѣйствительности, это случалось весьма рѣдко. Проф. Алексѣевъ предполагаетъ, что *всѣ* указы совѣта непремѣнно утверждались Екатериною (стр. 57), хотя объ этомъ и *нѣтъ* отмѣтокъ въ журналахъ. Но это предположеніе надо еще *доказать* какими-либо положительными данными; пока же такого доказательства имъ не представлено *), оно остается лишь гипотезою, и мы можемъ не отказываться отъ нашего утвержденія, находящаго подтвержденіе въ журналахъ совѣта. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать за доказательство того соображенія г. Алексѣева, что хотя мнѣнія совѣта и подлежали всегда обязательно

*) Мы не можемъ считать за такое доказательство ссылки на тѣ указы Екатерины и опредѣленія совѣта, какіе приводятся авторомъ рецензіи (стр. 56), такъ какъ всѣ они могутъ толковаться, да и дѣйствительно толкуются, совершенно иначе, чѣмъ толкуетъ ихъ г. Алексѣевъ; лишь изученіе по архивнымъ даннымъ *практики* дѣлопроизводства совѣта и особенно кабинета императрицы могло бы документально доказать, дѣйствительно ли, какъ думаетъ г. Алексѣевъ, *всѣ* постановленія совѣта докладывались для утвержденія императрицѣ; пока авторомъ рецензіи такого изученія не сдѣлано, его мнѣніе остается простою гипотезой. Что же касается тѣхъ указовъ и опредѣленій совѣта, на которыхъ строитъ нынѣ г. Алексѣевъ свою гипотезу, то изъ этихъ указовъ указъ 8 февраля 1726 г., даже по мнѣнію самого г. Алексѣева, *могъ* „по своей лаконичности, дать поводъ нашимъ изслѣдователямъ къ *ложнымъ* толкованіямъ“ (почему-то эта „лаконичность“ не помѣшала самому моему рецензенту установить *истинное* толкованіе указа!), а потому, естественно, можетъ не идти въ счетъ. Затѣмъ, январьскій указъ 1727 г. выражаетъ, какъ это доказывается въ моей книгѣ (стр. 56 и сл.), лишь *desiderata* Екатерины, а потому также не можетъ считаться показателемъ дѣйствительнаго порядка утвержденія указовъ; 3-й пунктъ „мнѣнія не въ указъ“, въ измѣненной Екатериною редакціи, толкуется г. Алексѣевымъ безъ всякаго вниманія къ его важному отличію отъ первоначальнаго текста, почему онъ и не придаетъ значенія словамъ „*о важныхъ дѣлахъ*, поставя протоколы“ и пр., коихъ не было въ первоначальномъ текстѣ; наконецъ, журналъ 18 февраля 1726 г., въ которомъ говорится, что „*всѣ* резолюціи во ономъ *ко аппробаціи* ея и. величества слѣдовать имѣютъ“, или еще иначе, что „во ономъ в. т. совѣтѣ ея и. величество *сама* присутствовать изволитъ и *всѣ* указы *по аппробаціи* ея и. величества отправляться имѣютъ“, не можетъ служить доказательствомъ, что *такъ* всегда и было въ дѣйствительности; притомъ же это *опредѣленіе* совѣта было сдѣлано еще *до* „мнѣнія не въ указъ“, въ которомъ требовалось представлять для аппробаціи императрицѣ лишь протоколы „о важныхъ дѣлахъ“, а вовсе не *всѣ*. Что опредѣленіе совѣта не можетъ служить доказательствомъ, что указанный въ немъ порядокъ всегда соблюдался, ясно видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что, хотя журналъ совѣта и говоритъ о присутствіи въ его засѣданіяхъ императрицы, какъ о чемъ-то необходимо-

утвержденію Екатерины, но объ утвержденіи этомъ совѣтъ извѣщался только въ *исключительныхъ* случаяхъ, почему-де и нѣтъ въ журналахъ и протоколахъ совѣта отмѣтокъ объ этомъ (стр. 61). Если согласиться съ мнѣніемъ проф. Алексѣева, то передъ нами будетъ удивительный въ исторіи учрежденій примѣръ санкціи постановленій верховною властію, о которой рѣшающая дѣло инстанція узнаетъ лишь изрѣдка *), хотя на ней лежитъ обязанность дѣлать соотвѣтствующія распоряженія о приведеніи въ исполненіе этихъ постановленій лишь послѣ «аппробаціи» ихъ верховною властью!...

IV.

Проф. Алексѣевъ оспариваетъ мое положеніе, что именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ въ царствованіе Екатерины I было мало и что совѣтъ ни въ личной дѣятельности императрицы, ни въ подчиненныхъ ей непосредственно учрежденіяхъ (кромѣ отчасти военной коллегіи) не встрѣчалъ никакихъ серьезныхъ препятствій къ ограниченію своего властвованія. Оспаривая это мое положеніе, онъ, между прочимъ, говоритъ, что «если и допустить (что врядъ ли допустимо), что *количество* именныхъ указовъ служитъ *показателемъ* личной дѣятельности монарха, то и тогда количество именныхъ указовъ, изданныхъ Екатериною I отъ 8 февраля 1726 по 6 мая 1727 г., не можетъ служить доводомъ» въ мою пользу. Доводъ этотъ будто бы былъ убѣдителенъ лишь въ томъ случаѣ, когда императрица *послѣ* учрежденія верховнаго тайнаго совѣта стала бы издавать *меньше* именныхъ указовъ, чѣмъ она издавала ихъ *до* учрежденія совѣта. По мнѣнію же проф. Алексѣева, должно констатировать совершенно обратное явленіе: *до учрежденія верховнаго тайнаго совѣта императрица рѣже издавала именные указы, чѣмъ послѣ учрежденія верховнаго тайнаго совѣта*, а именно въ первый періодъ будто бы издано *всего 10* именныхъ указовъ (т.-е. такихъ, которые не объявлены изъ сената), а во второй—*39* именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ (т.-е. такихъ, которые *не* объявлены изъ верховнаго тайнаго совѣта) **).

предполагаемомъ, въ дѣйствительности, Екатерина весьма рѣдко бывала въ засѣданіяхъ совѣта. Замѣчу еще кстати, что вышеприведенное *опредѣленіе* совѣта было ошибочно названо въ моей книгѣ *указомъ* (стр. 58). Такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло касалось *сущности* постановленія совѣта, а не его *формы*,— какъ въ этомъ легко убѣдиться всякому,—то ошибка въ наименованіи акта не могла, конечно, отразиться на самомъ моемъ выводѣ; проф. Алексѣевъ пытается, однако, изобразить дѣло иначе и опровергнуть тѣмъ самый выводъ (стр. 58, примѣч. 1 и 2).

*) Самъ проф. Алексѣевъ соглашается, что журналы совѣта лишь „иногда" упоминаютъ о докладѣ и объ утвержденіи мнѣній совѣта императрицею (стр. 61); по поводу же моихъ словъ, что въ любомъ журналѣ совѣта можно найти постановленія совѣта, не доложенныя императрицѣ (что я предполагаю, между прочимъ, на основаніи того, что въ нихъ *нѣтъ* отмѣтокъ объ этихъ докладахъ), онъ замѣчаетъ, что не могъ „найти *ни одного* такого примѣра" (стр. 60).

**) Стр. 62 и сл.

Но, не говоря уже о томъ, что именныхъ указовъ Екатерины I, данныхъ *до* и *послѣ* учрежденія совѣта, извѣстно гораздо больше, чѣмъ думаетъ проф. Алексѣевъ (почему и выводъ, основанный на счетѣ *только нѣкоторыхъ, а не всѣхъ* извѣстныхъ именныхъ указовъ, теряетъ свое значеніе), замѣтимъ прежде всего, что здѣсь (какъ и въ другихъ мѣстахъ своей рецензіи) проф. Алексѣевъ довольно произвольно толкуетъ мои положенія. Именно я вовсе не думаю характеризовать дѣятельность Екатерины I однимъ только *количествомъ* ея именныхъ указовъ, а принимаю во вниманіе также ихъ *содержаніе* и *происхожденіе* *); проф. Алексѣеву не слѣдовало бы раздѣлять всѣхъ указанныхъ мною признаковъ другъ отъ друга; тогда бы и не получилось страннаго вывода, что будто бы одно *количество* именныхъ указовъ служитъ для меня показателемъ *личной* дѣятельности императрицы. Что же касается подсчета именныхъ указовъ, дѣлаемаго проф. Алексѣевымъ, то какъ указано выше, въ дѣйствительности, количество *именныхъ* указовъ Екатерины I, извѣстныхъ нынѣ (частію въ подлинникахъ) *гораздо больше*, чѣмъ думаетъ проф. Алексѣевъ. Именно, почтенный ученый производитъ подсчетъ этимъ указамъ по Полному Собранію законовъ; ни для кого, однако, не представляетъ тайны, что въ это Собраніе вошла лишь самая незначительная часть указовъ вообще и *именныхъ*—въ частности. Поэтому считать эти указы по Полному Собранію законовъ въ настоящее время, когда извѣстны еще другіе указы, не помѣщенные въ Собраніи, и когда притомъ имѣется весьма полная «Опись» высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за XVIII вѣкъ **),—значитъ оперировать съ совершенно недостаточными данными. Въ подтвержденіе сказаннаго довольно указать, наприм., на тотъ фактъ, что въ то время, какъ по названной «Описи» число высочайшихъ указовъ и повелѣній за 1725 г. равняется 83, въ Полное Собраніе законовъ ихъ вошло всего 7; или за 1726 г. ихъ считается 394, а въ Полномъ Собраніи законовъ ихъ всего—78; за 1727 г. ихъ 789, въ Полномъ же Собраніи законовъ всего 168 и т. д. Поэтому, для болѣе точнаго опредѣленія числа именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ *до* и *послѣ* учрежденія совѣта при Екатеринѣ I, проф. Алексѣеву слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, обратиться къ указанной выше «Описи» и на основаніи ея данныхъ сдѣлать свой выводъ. Впрочемъ, представляется совершенно непонятнымъ, *зачѣмъ* для опроверженія моего положенія, что *именныхъ* указовъ Екатерины (со времени учрежденія совѣта,

*) Именно я говорю въ моей книгѣ слѣдующее: „именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ, т.-е. указовъ состоявшихся, по крайней мѣрѣ, формально лишь по волѣ самой императрицы, *безъ упоминанія* о томъ, что указъ „данъ въ нашемъ совѣтѣ“,—во-1-хъ, весьма немного, во-2-хъ, они большею частію касаются довольно узкой сферы *личной* дѣятельности самой императрицы и, въ-3-хъ, то подсказываются ей тѣми же членами совѣта, наприм., Меншиковымъ и другими лицами, то, наконецъ, въ дѣйствительности, также какъ и другіе указы, проходятъ черезъ обсужденіе совѣта, хотя въ нихъ объ этомъ и не упоминается“ (стр. 59 и сл.).

**) Опись эта составлена П. Барановымъ (Петербургъ, 1875 г., т. II).

конечно) было мало, надо подсчитывать ихъ число *до* и *послѣ* учрежденія совѣта, какъ дѣлаетъ это г. Алексѣевъ. Въ моей книгѣ я вовсе не касался вопроса о томъ, какова была дѣятельность Екатерины I *до* учрежденія совѣта, а пытался дать ея характеристику (по тѣмъ или инымъ признакамъ) лишь *со времени* его учрежденія, и притомъ *сравнительно* съ указною дѣятельностью совѣта. Поэтому, чтобы опровергнуть мой выводъ о незначительности, количественно и качественно, именныхъ указовъ самой Екатерины, слѣдовало бы сравнить ихъ *съ указами прошедшими черезъ совѣтъ*. Но именно этого-то и не дѣлаетъ г. Алексѣевъ, хотя для такого сравненія въ моей же книгѣ сведены всѣ необходимыя данныя. Такъ, что касается прежде всего *количества* именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ (т.-е. указовъ, *не прошедшихъ* черезъ совѣтъ), сравнительно съ указами прошедшими *черезъ* совѣтъ, то по указанной выше «Описи» съ 9 февраля 1726 г. (т.-е. со дня *перваго* собранія совѣта) по 6 мая 1727 г. (т.-е. по день кончины Екатерины I) именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ было дано 87, высочайшихъ повелѣній («объявленныхъ» или «сообщенныхъ»), т.-е. *словесныхъ* указовъ, 92; указовъ же прошедшихъ *черезъ* совѣтъ было 372; всего же было дано 551 указъ (мы не считаемъ 7 высочайшихъ резолюцій на прошеніяхъ, такъ какъ онѣ не подходятъ вполнѣ подъ понятіе именныхъ указовъ). Если считать именные указы подписанные и словесные вмѣстѣ, то ихъ число будетъ равно 179 указамъ и будетъ составлять менѣе $^1/_3$ всего числа указовъ (551); если же считать только *первые* указы, то они составляютъ менѣе $^1/_4$ всѣхъ указовъ, прошедшихъ *черезъ* совѣтъ. Имѣя въ виду отношеніе числа первыхъ (87) къ числу вторыхъ (372) и сославшись въ моей книгѣ какъ на Полное Собраніе законовъ, такъ и на «Опись», въ которой помѣщенъ наиболѣе полный списокъ этихъ указовъ *), я счелъ себя вполнѣ въ правѣ утверждать, что именныхъ указовъ,—*по сравненію*, конечно, съ числомъ указовъ прошедшихъ *черезъ* совѣтъ,—было мало; проф. Алексѣевъ, не соглашаясь съ этимъ моимъ выводомъ, ничѣмъ, однако, его не опровергнулъ, а потому онъ и остается въ полной своей силѣ.

Но, можетъ быть, именные указы въ собственномъ смыслѣ, не будучи многочисленны, за то важны и разнообразны вообще по своему содержанію—сравнительно съ указами, прошедшими *черезъ* совѣтъ, конечно? Изучая внимательно ихъ содержаніе, я прихожу къ тому выводу, что эти указы *по большей части* касались узкой сферы *личной* дѣятельности самой императрицы и въ доказательство этого положенія разсматриваю содержаніе *всѣхъ* извѣстныхъ *именныхъ* (какъ подписанныхъ, такъ и словесныхъ) указовъ Екатерины I (ихъ извѣстно, какъ показано выше, 179 указовъ). Беру я тѣ и другіе указы **) потому, что *вся* ихъ совокупность можетъ служить къ наиболѣе полному опредѣленію сферы *личной* дѣятельности Екатерины I. Проф. Алексѣвъ, не соглашаясь и съ этимъ моимъ выводомъ и при-

*) Стр. 59, прим. 54 моей книги.

**) Ibid, стр. 61, прим. 57 и 58.

ведя въ его опроверженіе только *32* именныхъ указа Екатерины, въ заключеніе восклицаетъ: «неужели всѣ эти распоряженія, касающіяся столь разнообразныхъ и столь существенныхъ сторонъ государственной жизни, *можно*, какъ это дѣлаетъ г. Филипповъ, относить къ довольно узкой сферѣ *личной* дѣятельности императрицы» (стр. 64 и сл.). Какъ увидимъ ниже, дѣлать это не только *можно*, но и *должно*, разъ мы беремъ для характеристики дѣятельности императрицы всѣ извѣстные намъ нынѣ 179 указовъ. Г. Алексѣевъ основываетъ свою характеристику дѣятельности Екатерины лишь на 32 именныхъ ея указахъ, нарушая этимъ основное правило критики—опровергать доводъ противника прежде всего на разборѣ *тѣхъ* данныхъ, на основаніи коихъ онъ его строитъ. Достаточно пересмотрѣть всѣ эти 179 указовъ, чтобъ убѣдиться въ вѣрности нашего вывода. Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, просмотримъ тѣ 32 указа Екатерины I, на которыхъ строитъ самъ г. Алексѣевъ свое опроверженіе, и докажемъ, что и ихъ содержаніе мало подтверждаетъ его собственный выводъ. Несомнѣнно, что и между перечисляемыми проф. Алексѣевымъ указами есть *весьма важные*, и я первый въ своей книгѣ неоднократно отмѣчаю, что они выдѣляются изъ всѣхъ остальныхъ и что ихъ нельзя поставить на счетъ дѣятельности совѣта *). Тѣмъ не менѣе, въ свою очередь, этихъ важныхъ указовъ нельзя, по большей части, отнести также и на счетъ *личной* дѣятельности императрицы. Что это за указы? Между ними первое мѣсто занимаетъ «должность сената» 7 марта 1726 г., которая, однако, въ цѣломъ, какъ это мною доказано въ своемъ мѣстѣ (стр. 157 и сл.), лишь *повторяетъ* постановленія петровской «должности» сената отъ 1722 г., да и дана она была вскорѣ послѣ учрежденія совѣта, который только лишь начиналъ свою дѣятельность. Между этими указами идетъ далѣе рядъ важныхъ указовъ, касающихся дѣлъ военной коллегіи, изъятой, по именному указу, изъ компетенціи совѣта. Но, какъ извѣстно, президентомъ ея, со вступленія Екатерины I на престолъ, вновь сдѣлался кн. Меншиковъ, который получилъ теперь «такую большую власть, какую только подданный можетъ имѣть», какъ выражаются иностранные дипломаты, и есть неоспоримыя данныя утверждать, что военное дѣло цѣликомъ велось Меншиковымъ, и всѣ важные указы, относящіеся къ нему, даны по инціативѣ или по настоянію Меншикова **). Есть далѣе именные указы, относящіеся къ св. синоду,

*) *Исторія Сената*, стр. 61 и сл., стр. 156 и сл. и др. Говоря объ именныхъ указахъ Екатерины I, касавшихся дѣлъ военной коллегіи, я замѣчаю, что эти указы, конечно, могли быть *очень важны* по своему содержанію, но едва ли ошибочно будетъ сказать, что это являлось скорѣе результатомъ дѣятельности и характера лица, стоявшаго во главѣ учрежденія, чѣмъ самой императрицы.

**) Въ своемъ разборѣ моей книги г. Алексѣевъ приводитъ свидѣтельства иностранцевъ, которыя идутъ гораздо дальше того, что я говорю о вліяніи Меншикова на императрицу и противъ вѣрности которыхъ онъ ничего не возражаетъ. Такъ, наприм., по Лефорту, „князь (Меншиковъ) то и дѣло *отъ имени царицы* разсылаетъ указъ за указомъ, о которыхъ она *и не знаетъ*“; по Мардефельду, Меншиковъ „завелъ такіе порядки въ гражданскомъ и *военномъ* вѣдомствахъ и началъ уже ихъ

но изъ нихъ наиболѣе важный *) — о раздѣленіи синода на два департамента и пр. (указъ 15 іюля 1726 г.) — вовсе не принадлежитъ къ числу именныхъ указовъ въ собственномъ смыслѣ (т.-е. указовъ *не прошедшихъ* черезъ совѣтъ), такъ какъ былъ «данъ въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ» **), да притомъ указъ этотъ въ своемъ главномъ основаніи (какъ это, между прочимъ, видно и изъ его текста) *повторяетъ* то, что хотѣлъ еще сдѣлать Петръ Великій, но «то его имп. величества соизволеніе *ко исполненію* не достигло причиною его смерти», почему и нельзя этотъ указъ, какъ дѣлаетъ проф. Алексѣевъ, причислять къ именнымъ указамъ *перваго* рода, какъ и нельзя ставить его на счетъ *личной* дѣятельности Екатерины I. Не принадлежитъ къ такимъ указамъ, вопреки мнѣнію того же автора, и *декларація* о свободной торговлѣ въ Россіи англійскихъ купцовъ, такъ какъ «декларація» эта прошла черезъ совѣтъ (*Исторія сената*, стр. 60). Если исключить всѣ перечисленные (какъ и нѣкоторые другіе) указы изъ списка, даваемаго г. Алексѣевымъ, то всѣ *остальные* именные указы въ собственномъ смыслѣ, какъ называемые, такъ и не называемые въ указанномъ спискѣ, но имѣвшіеся, однако, мною въ виду, вполнѣ подтвердятъ *общее* мое положеніе, что эти указы большею частію касаются довольно узкой сферы *личной* дѣятельности императрицы. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ самый полный списокъ изъ извѣстныхъ въ печати списковъ этихъ указовъ, помѣщенный въ *Описи* Баранова. Что это за указы, каково ихъ содержаніе? Какъ всякій легко можетъ убѣдиться изъ просмотра списка ***),

---

приводить въ дѣйствіе, которые сдѣлали бы его дѣйствительнымъ правителемъ, а царицѣ оставили *одно имя*" (ibid., стр. 71 и сл.); по Кампредону, „Меншиковъ присвоилъ себѣ одному право назначенія и производства *офицеровъ*" и проч. (ibid., стр. 74; срав. также стр. 21). Почему же въ такомъ случаѣ, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ источниковъ, можно было бы поставить указъ объ изъятіи военной коллегіи изъ компетенціи совѣта (какъ и рядъ другихъ указовъ по военному вѣдомству) насчетъ *личной* дѣятельности самой Екатирины I! А, вѣдь, этихъ указовъ было не мало.

*) Два другихъ касаются опредѣленія жалованья синодальнымъ членамъ и подачи императрицѣ ежемѣсячныхъ доношеній изъ синода, равно какъ и представленія ей кандидатовъ въ архіереи (VII, № 5011, 4987), да и то первый изъ нихъ *повторяетъ* петровскій еще указъ 18 января 1721 г.

**) См. мою *Исторію Сената*, стр. 60, прим. 56; срав. также текстъ этого указа въ *Полн. Собран. постанов. и распоряж. по вѣдомству православн. исповѣданія*, т. V (Спб., 1881 г.), стр. 393 и сл.

***) Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ и пр., №№ 1642—1644, 1648, 1649; 1652—1659, 1662, 1663, 1666, 1667, 1669, 1672—1677, за исключеніемъ № 1674, 1679, 1680, 1683, 1686, 1688, 1691, 1692, 1705, 1706, 1708, 1713, 1714, 1720, 1723, 1724, 1727 — 1731, 1735—1738, 1741 — 1744, 1754, 1757, 1758, 1768 — 1770, 1774, 1780, 1781, 1787, 1788, 1790 и многіе другіе, помѣщенные въ спискѣ, между указами верховнаго тайнаго совѣта, вплоть до № 2199. При этомъ замѣтимъ еще разъ, что, разсматривая *содержаніе* перечисленныхъ указовъ, мы брали не только именные указы въ собственномъ смыслѣ, но и такъ называемыя „объявленныя" или „сообщенныя" тѣмъ или инымъ сановникамъ Высочайшія повелѣнія, т.-е., иначе говоря, *словесные* именные указы. Вся совокупность этихъ указовъ даетъ полное представленіе о характерѣ *указной* дѣятельности Екатерины I, вполнѣ подтверждая наше положеніе, что *большею частію* эти указы относятся къ довольно узкой сферѣ личной дѣятельности императрицы.

наибольшее число указовъ касается пожалованій чинами, деревнями, дворами, назначеній на службу, увольненій въ отпуски, выдачи денегъ (наприм., заслуженнаго жалованія), пріема товаровъ, слѣдуемыхъ въ кабинетъ, и т. п.; повелѣній императрицы по благоустройству города Петербурга; распоряженій, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ вотчинной канцеляріи ея величества, тайной канцеляріи и личному кабинету императрицы (мы не касаемся здѣсь, по указанному выше основанію, именныхъ указовъ военной коллегіи, гдѣ все находилось въ рукахъ всесильнаго ея президента кн. Меншикова), т.-е. къ учрежденіямъ, непосредственно подчиненнымъ императрицѣ. Неужели можно утверждать, что эти указы касались «разнообразныхъ и существенныхъ сторонъ государственной жизни», въ особенности, конечно, *по сравненію* съ именными указами, прошедшими *черезъ* совѣтъ (а именно въ этомъ сравненіи вся и важность),—указами дѣйствительно касавшимися всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики, указовъ, въ коихъ, такъ или иначе, разрѣшались труднѣйшіе вопросы, поставленные эпохою преобразованія, переустраивались учрежденія и т. д., и т. д.?

Далѣе проф. Алексѣевъ говоритъ еще: «увѣреніе г. Филиппова, что именные указы подсказываются императрицѣ членами верховнаго тайнаго совѣта (у меня добавлено «и другими лицами») мы проходимъ молчаніемъ, ибо *авторъ не приводитъ, и, конечно, не можетъ привести никакихъ данныхъ*, которыя подтвердили бы это *болѣе чѣмъ странное* и совершенно произвольное утвержденіе» (стр. 65, курсивъ нашъ). Прежде всего по поводу сказаннаго замѣчу, что я не только могу привести, но и *привелъ* *), въ дѣйствительности, въ моей книгѣ рядъ указовъ (то въ ссылкахъ, то въ подлинникѣ), подтверждающихъ вполнѣ мое положеніе; поэтому утвержденіе проф. Алексѣева совершенно невѣрно. Затѣмъ трудно понять, почему бы это мое положеніе было «болѣе, чѣмъ странно». Вездѣ и во всѣ времена государи бывали окружены совѣтниками, которые такъ или иначе, больше или меньше, но вліяли на ихъ законодательную дѣятельность, почему и именные указы, какъ и всякіе другіе, могли отражать на себѣ это вліяніе. Самъ проф. Алексѣевъ признаетъ *совѣщательное* значеніе верховнаго тайнаго совѣта; почему бы послѣднему не только *in corpore*, но и въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ (наприм., Меншикова), не вліять на Екатерину I и не подсказывать ей тѣхъ или иныхъ рѣшеній? Вѣдь, у Екатерины, какъ, наприм., ее характеризуетъ знатокъ дѣла, тотъ же С. М. Соловьевъ, «не было ни должнаго вниманія къ дѣламъ, особенно внутреннимъ, и ихъ подробностямъ, *ни спо-*

*) Сказавши, между прочимъ, что „именные указы подсказываются *частію* (Екатеринѣ I) тѣми же членами совѣта, наприм., Меншиковымъ и другими лицами“, я *тотчасъ же*, въ подтвержденіе этого, сдѣлалъ ссылку на 13 указовъ, помѣщенныхъ въ *Полн. собран. закон.* (стр. 60, прим. 55); прочтя внимательно ихъ содержаніе, легко было бы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ моей книги я не разъ привожу, по разнымъ поводамъ, примѣры такихъ указовъ, см., наприм., стр. 269, прим. 61. Для большей наглядности я сдѣлаю теперь разборъ нѣкоторыхъ изъ названныхъ въ моей книгѣ указовъ.

собности почина и направленія», да и сама она откровенно признавалась, что «мы сей совѣтъ учинили верховнымъ и *при боку нашемъ* не для чего иного, только дабы *въ семъ тяжкомъ бремени* правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ важными своими *совѣтами* и безпристрастнымъ объявленіемъ *мнѣній* своихъ *намъ споможеніе и облегченіе учинилъ* (*Исторія Россіи*, т. XVIII, стр. 276 и сл., 285 и сл.)? Почему бы въ такомъ случаѣ не допустить, что именные указы *частію*, какъ я говорю, подсказываются ей членами совѣта, или другими лицами, не принадлежащими къ составу совѣта?... Впрочемъ, не только эти общія соображенія, но и свидѣтельства самихъ первоисточниковъ, при внимательномъ ихъ чтеніи, дозволяли мнѣ придти къ такому предположенію. Какъ извѣстно, бо́льшая часть именныхъ указовъ изучаемой эпохи является въ видѣ указовъ «данныхъ» письменно, или «объявленныхъ» словесно, тому или иному лицу, или учрежденію. Такъ, наприм., указы Екатерины I по военнымъ дѣламъ объявляются Меншиковымъ, президентомъ военной коллегіи, дѣла по благоустройству и благочинію гр. Девіеромъ, генералъ-полицеймейстеромъ, и т. д. Что же это значитъ? Это значитъ, что данное лице, стоящее во главѣ того или иного учрежденія, или исполняющее то или иное порученіе, доложило императрицѣ дѣло по предмету *своего* порученія или вѣдомства, а затѣмъ императрица повелѣла ему же объявить свой словесный указъ или повелѣніе, или же на имя его дала свой именной, подписанный собственноручно, указъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда докладъ касался какихъ-либо спеціальныхъ вопросовъ даннаго дѣла или вѣдомства, можно безошибочно предположить, что если не всегда, то *частію*, какъ я утверждаю въ своей книгѣ, рѣшеніе по данному вопросу подсказывается докладчикомъ, а затѣмъ и воспроизводится въ данномъ именномъ указѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это до того очевидно, что самъ указъ не содержитъ въ себѣ ничего иного, какъ только *изложеніе* доклада, утвержденнаго затѣмъ Екатериною. Таковъ, наприм., первый изъ цитируемыхъ нами указовъ о жалованьѣ товарищу герольдмейстера гр. Сантію, объявленный гр. Толстымъ. Изъ указа видно, что гр. Сантій просилъ еще Петра Великаго объ опредѣленіи ему жалованія; Петръ повелѣлъ давать ему жалованье, найти домъ для квартиры и взимать съ каждаго герба по 2 р., причемъ при объявленіи этого повелѣнія Сантію былъ гр. Толстой, а также Остерманъ и Степановъ. Больше въ указѣ ничего не говорится и даже не упоминается объ императрицѣ ни однимъ словомъ, хотя указъ и называется именнымъ, объявленнымъ д. т. с. гр. Толстымъ» (*Полное Собраніе законовъ*, т. VII, № 4831). Ясно, что гр. Толстой, бывшій при разсмотрѣніи прошенія Сантія Петромъ, доложилъ государынѣ, что дѣло было уже разрѣшено ранѣе и разрѣшено такъ-то, а императрица дала свое согласіе на утвержденіе доклада, давшаго содержаніе указу, что и засвидѣтельствовала своею подписью *).

---

*) Интересно, что вопросъ о жалованьѣ гр. Сантію пересматривался затѣмъ въ совѣтѣ и рѣшенъ былъ иначе (*Сб. Ист. Общ.*, т. 55, стр. 66, 278, 287 и сл.).

Читая другіе указы по спеціальнымъ вопросамъ, надо также думать, что они, по крайней мѣрѣ, *иногда* произошли тѣмъ же путемъ. Едва ли, наприм., Екатерина, выслушавши докладъ Меншикова о необходимости послать указъ, «чтобы полки экзерцировать съ пушками, а потомъ стрѣльбою чаще и приводить въ доброе состояніе» (ibid., № 4874), или доношеніе извѣстнаго Геннинга о мѣрахъ «къ умноженію мѣди» (ibid., № 5019) и т. п., всегда могла этимъ знатокамъ дѣла отдавать приказы, не согласные съ ихъ докладами. Сами указы, впрочемъ, сохранили намъ непререкаемыя свидѣтельства въ пользу нашего предположенія. Таковъ, наприм., «именной указъ данный» извѣстному Геннингу, гдѣ Екатерина сама говоритъ, что она частію исполнитъ, а частію уже исполнила его требованія относительно «умноженія мѣди» и ея отправки *). Таковъ далѣе, напримѣръ, одинъ найденный нами въ архивѣ министерства юстиціи именной указъ, данный гр. Девіеру, изъ котораго видно ясно, что Екатерина повелѣла сдѣлать то, что предложилъ ей Девіеръ. Именно, указъ (словесный) гласилъ слѣдующее, какъ видно изъ письма Девіера къ Бибикову (оберъ-прокурору сената): «Государь мой Иванъ Ивановичъ, *просилъ* я у Ея Импер. Величества, чтобы изволила пожаловать приказать: Сенатъ, коллегіи и канцеляріи и прочіе статскіе чины уволить на 2 недѣли, на что Ея Имп. Величество милостиво приказать изволила всѣхъ уволить на 2 недѣли, *понеже наступили уже тѣ дни, что называются каникулы*. Того ради, извольте учинить по сему Ея Импер. Величества указу» (*Исторія сената*, стр. 269, пр. 61). Изъ указа ясно видно, что наступило уже время «каникулъ», но о нихъ почему-то никто не напоминалъ императрицѣ; гр. Девіеръ, какъ сенаторъ, докладываетъ ей объ этомъ, прося объ отпускѣ сенаторовъ и другихъ «статскихъ членовъ»; Екатерина соглашается, и ея словесный именной указъ объявляется сенату тѣмъ же Девіеромъ. Названный указъ не представляетъ, конечно, чего-либо важнаго по своему содержанію. Но можно указать и болѣе значительныя повелѣнія, прошедшія тѣмъ же путемъ. Наприм., 30 декабря 1726 г. былъ данъ сенату *именной* указъ, дозволявшій производить русскимъ купцамъ за китайскою границею торговлю всѣми товарами, кромѣ мягкой рухляди. *Самъ* указъ свидѣтельствуетъ, что по обстоятельствамъ этого вопроса было сдѣлано «доношеніе» императрицѣ ея посланникомъ въ Китаѣ, гр. Саввою Владиславичемъ (экстрактъ этого донесенія *приложенъ* къ указу) и вотъ «мы противъ того доношенія (т.-е. согласно этому доношенію) указали» предпринять такія-то мѣры. Достаточно сличить содер-

---

*) Въ именномъ указѣ, данномъ генералъ-майору Геннингу, управлявшему екатериненбургскими заводами, между прочимъ, говорится буквально слѣдующее: „Господинъ генералъ-майоръ! доношеніе ваше, отправленное отъ екатериненбургскихъ заводовъ отъ 24 числа января и притомъ *мнѣніе*, что потребно учинить для умноженія мѣди, до насъ дошло *и что принадлежитъ по мнѣнію вашему, то впредь мы повелимъ исполнить*, а нынѣ старайтесь во отправленіи въ Москву мѣди по прежнему нашему указу..., *такожъ по требованію вашему* для отправленія мѣди и сержантъ Головинъ къ вамъ отправленъ“ (ib., № 5019).

жаніе этихъ мѣръ съ требованіями «реляціи» гр. Владиславича, чтобы видѣть, что именной указъ *только повторяетъ* почти буквально содержаніе послѣдней (VII, № 4992), что̀, конечно, было вполнѣ понятно, такъ какъ рѣшать дѣла по̀ китайской торговлѣ изъ Петербурга,—въ то время, когда пути сообщенія были иныя, чѣмъ теперь, и проч.,—было нельзя, а надо было поступать прямо «противъ того доношенія». А проф. Алексѣевъ, цитируя этотъ указъ, между другими, въ доказательство разнообразія *личной* дѣятельности Екатерины I и пр., говоритъ, что «такими же *именными* указами *императрица регулируетъ* торговыя отношенія» (стр. 64). Два другихъ указа, цитируемыхъ проф. Алексѣевымъ въ доказательство сказаннаго, являются «декларацією» императрицы о позволеніи великобританскимъ купцамъ производить въ Россіи свободную торговлю (VII, № 4910, 5060). Но въ моей книгѣ доказано, что и эта декларація, хотя и имѣетъ видъ *именного* указа въ собственномъ смыслѣ, однако, въ дѣйствительности, разсматривалась въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, въ журналѣ коего отъ 17 іюля 1726 г. читаемъ: «потомъ представлено мнѣніе вице-канцлера барона Остермана о учиненіи деклараціи и о изданіи въ печать о свободной коммерціи въ Россіи англинскихъ купцовъ; и по имѣвшемся совѣтѣ всѣ запотребно разсудили о томъ мнѣніе свое донести ея импер. величеству и для примѣру отдана (кабинетъ-секретарю Макарову) копія, съ выданной напредъ сего такой же деклараціи объ англинскихъ купцахъ въ 1719 г.»; а затѣмъ эта «декларація, сочиненная *отъ лица* Ея Имп. Величества», была утверждена императрицею (*Исторія сената*, стр. 60). Какъ же можно названные (какъ и другіе, имъ подобные) указы ставить на счетъ *личной* дѣятельности Екатерины I, и не правъ ли я былъ поэтому, когда утверждалъ въ моей книгѣ, что *именные* указы въ собственномъ смыслѣ то подсказываются ей тѣми же членами совѣта, наприм., Меншиковымъ и другими лицами, то проходятъ, какъ и другіе указы, *черезъ* обсужденіе совѣта, хотя въ нихъ объ этомъ и не упоминается?

Замѣчу еще кстати слѣдующее. Возражая противъ указанныхъ выше моихъ выводовъ, г. Алексѣевъ въ заключеніе утверждаетъ, что «черезъ все изложеніе», мое «посвященное вопросу объ отношеніи императрицы къ совѣту, очень ясно проглядываетъ воззрѣніе, по которому Екатерина была *слабою* правительницею, *безропотно* переносившею самовластительство россійскихъ олигарховъ» (стр. 65, прим.). Ничего бы не имѣлъ я противъ такого заключенія, еслибъ оно, дѣйствительно, соотвѣтствовало моему воззрѣнію на отношеніе Екатерины къ совѣту. Но дѣло въ томъ, что моя точка зрѣнія на вопросъ нѣсколько иная. Именно, изучивъ подробно относящіяся сюда данныя, я пришелъ къ выводу, что Екатерина сама вообще охотно *мирилась* съ этимъ властвованіемъ совѣта, пытаясь лишь придать ему болѣе порядка и опредѣленности (стр. 68 моей книги). Однако, отмѣчая такое отношеніе Екатерины къ совѣту, я нигдѣ не утверждаю, что она *безропотно* переносила самовластительство совѣта, но, наоборотъ,—вездѣ, гдѣ только позволяютъ первоисточники,—старательно отмѣчаю тѣ

случаи, когда Екатерина *не соглашалась* съ планами или постановленіями совѣта, когда она пыталась измѣнить тѣ или иные порядки его дѣлопроизводства и т. п. *). Если я при этомъ долженъ былъ также отмѣтить, что Екатерина, видя недостатки того же, наприм., совѣтскаго дѣлопроизводства, не имѣла достаточно твердости настоять на ихъ искорененіи, то на это я имѣлъ серьезныя данныя **), которыхъ мой критикъ вовсе и не коснулся. Если, далѣе, проф. Алексѣевъ вывелъ изъ моего очерка отношеній Екатерины къ совѣту, что Екатерина была «слабою правительницею», то я не вижу основаній отказаться отъ такой характеристики, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ рецензіи уклоняется высказать свое мнѣніе по вопросу, а цѣлый рядъ фактовъ, приведенныхъ въ моей книгѣ, вполнѣ подтверждаетъ подобную характеристику. Такая характеристика, основанная на изученіи первоисточниковъ, не представляетъ притомъ ничего неожиданнаго. Тотъ же Соловьевъ говоритъ, наприм., слѣдующее: «*вельможи хотѣли управлять при женщинѣ и теперъ, дѣйствительно, управляли*... Оставляя въ сторонѣ желаніе сторонниковъ Екатерины превознести ея достоинства, мы должны замѣтить, что знаменитая ливонская плѣнница принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые кажутся способными къ правленію, пока не принимаютъ правленія» и т. п. (т. XVIII, стр. 277 и сл.; сравн. также свидѣтельства иностранцевъ, приведенныя и у г. Алексѣева, о самовластіи Меншикова). Несомнѣнно, у автора рецензіи нѣтъ на-лицо научныхъ данныхъ, чтобы объективно опровергнуть взгляды, подобные вышеизложеннымъ; онъ самъ сознается въ этомъ, говоря, что «мы не беремся высказывать здѣсь своего взгляда на личныя качества императрицы» (ibid.). Но я-то считалъ себя обязаннымъ высказать свой взглядъ на эти качества, разъ мнѣ приходилось касаться отношеній Екатерины къ совѣту...

V.

Касаясь дѣятельности совѣта, я прихожу, на основаніи очень многихъ данныхъ, къ тому выводу, что совѣтъ, какъ учрежденіе не юридическаго характера, въ своемъ стремленіи къ самовластію, склоненъ былъ придавать мало значенія *формальнымъ* ограниченіямъ своихъ дѣйствій. Провѣряя мое изображеніе дѣлопроизводства совѣта по изданнымъ документамъ, г. Алексѣевъ находитъ, что «обвиненіе верховнаго тайнаго совѣта въ нарушеніи тѣхъ или другихъ правилъ въ большинствѣ случаевъ объясняется недостаточнымъ знакомствомъ» моимъ «съ формами дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта, какъ онѣ засвидѣтельствованы его протоколами и журналами, и при этомъ утверждаетъ, что «наиболѣе существенныя неточности» мои по этому вопросу «можно свести къ одному главному недосмотру», именно

---

*) *Исторія сената*, стр. 31 и сл., 35 и сл., 56 и сл.; 59, прим. 52; стр. 71, прим. 78; 114 и сл., 181 сл.

**) Ibidem, стр. 36, 57 и сл.

я будто бы не умѣю «отличить протокола отъ указа, а между тѣмъ на этомъ различеніи построено *все* дѣлопроизводство верховнаго тайнаго совѣта, такъ какъ въ этихъ формахъ, строго различавшихся, проявлялась, какъ покажетъ послѣдующее изложеніе, *вся* дѣятельность верховнаго тайнаго совѣта» (стр. 75; срав. ibid., прим. 2). Готовъ согласиться, что «на различеніи» протоколовъ отъ указовъ построено если не все, то значительная часть дѣлопроизводства совѣта, какъ и готовъ признать, что неумѣнье различать эти двѣ «формы» дѣятельности совѣта могло бы повести къ невѣрному пониманію тѣхъ или иныхъ дѣйствій совѣта. Можно ли, однако, съ достаточнымъ основаніемъ утверждать,—какъ это дѣлаетъ г. Алексѣевъ,—что для меня «очевидно, протоколъ и указъ одно и то же» и что будто бы тамъ, гдѣ передо мною «протоколъ», я считаю «возможнымъ говорить объ указѣ и наоборотъ» (ibid., прим. 2)? Въ доказательство моего *неумѣнья* отличать протоколъ отъ указа, г. Алексѣевъ беретъ изъ моей книги рядъ ссылокъ на первоисточники; но эти ссылки, въ связи съ тѣми объясненіями, какія имъ у меня предшествуютъ и на которыя почтенный ученый обращаетъ мало вниманія, *нисколько* не подтверждаютъ его утвержденія, почему нельзя не удивляться той рѣшительности, съ которою оно имъ выставляется и затѣмъ защищается. Но, прежде чѣмъ мы коснемся упомянутыхъ выше ссылокъ моей книги по существу, необходимо отмѣтить слѣдующее: 4-й пунктъ указа 8 февраля 1726 г., коимъ учреждался в. т. совѣтъ, предписывалъ «въ в. т. совѣтѣ, хотя при присутствіи Ея Имп. Величества, хотя и въ отсутствіи, *крѣпить*, что о чемъ опредѣлено будетъ, *протоколы, резолюціи всѣмъ назначеннымъ особамъ в. т. совѣта*. А *съ того* надлежащіе куда *указы* посылать *за закрѣпою* въ в. тайномъ же совѣтѣ обрѣтающагося члена иностранной коллегіи, д. с. с Василія Степанова» (П. С. З., VII, № 4830). Затѣмъ относительно подписи указовъ однимъ Степановымъ было дано подтвержденіе въ указѣ 28 марта того же года (ib., № 4862), а пунктомъ 6-мъ «мнѣнія не въ указъ» было опредѣлено, что «въ тайномъ совѣтѣ надобно два протокола держать, одинъ образомъ *журнала*, который подписывать *не* подлежитъ, другой же о учиненныхъ въ т. совѣтѣ резолюціяхъ и опредѣленіяхъ, который *тайному совѣту закрѣплять*» (*Сб. И. Об.*, т. LV, стр. 94). Итакъ, какъ видно изъ этихъ *основныхъ* постановленій, дѣйствовавшихъ до указа 4 августа 1726 г. (о немъ скажемъ особо), журналы совѣта (т.-е. то, что теперь называется протоколомъ) *никѣмъ* не подписываются, протоколы же подписываются *всѣми* его членами, а «съ того надлежащіе куда *указы*» посылаются «за закрѣпою» *одного* только Степанова. Таковы были внѣшнія, формальныя *различія* между протоколомъ и указомъ,—различія, кои и я долженъ былъ необходимо принимать во вниманіе, толкуя соотвѣтствующіе акты совѣтскаго дѣлопроизводства. Г. Алексѣевъ, разбирая мои ссылки на эти акты, увѣряетъ, какъ уже сказано выше, что всѣ онѣ обнаруживаютъ «смѣшеніе» мною «протокола съ указомъ». Такъ, когда я привожу примѣры въ подтвержденіе того обстоятельства, что *прото-*

колы иногда посылались для подписи членамъ в. т. совѣта на домъ, или доказываю, что *протоколы* подписывались иногда на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, или же, наконецъ, замѣчаю, что члены совѣта отказывались подписывать *протоколы*, состоявшіеся на засѣданіи, на которомъ они не присутствовали, г. Алексѣевъ не отрицая, въ дальнѣйшемъ изложеніи, всѣхъ указанныхъ случаевъ съ протоколами *), категорически утверждаетъ, однако, что въ приводимыхъ у меня ссылкахъ дѣло идетъ вездѣ *не о протоколѣ*, а объ *указѣ*. Съ перваго взгляда эти примѣры, взятые изъ моей же книги, говорятъ какъ будто бы противъ меня, такъ какъ въ нихъ дѣйствительно говорится вездѣ *объ указахъ*, подписанныхъ или посланныхъ на домъ для подписи тѣмъ или инымъ членамъ совѣта **), тѣмъ не менѣе, совершенно очевидно, что въ этихъ примѣрахъ идетъ дѣло *не объ указахъ*, а именно — «о протоколахъ указовъ» или «о протоколахъ, содержавшихъ указы», какъ я ихъ называлъ въ своей книгѣ (стр. 42 и сл.), такъ какъ *только* протоколы должны были подписываться членами совѣта, указы же посылались «за закрѣпою» *одного* Степанова. Если допустить, что проф. Алексѣевъ правъ и что здѣсь вездѣ идетъ рѣчь *объ указахъ, а не о протоколахъ* (какъ думаю я), то является совершенно естественнымъ вопросъ, зачѣмъ же эти указы идутъ къ подписи членовъ совѣта, когда законъ ***) этого вовсе не требовалъ (указъ 8 февраля гласилъ, что надо «*крѣпить*... протоколы, резолюціи *всѣмъ* назначеннымъ особамъ в. т. совѣта»)? Самъ авторъ рецензіи, въ другомъ ея мѣстѣ, говоритъ, что «указы, изготовляемые по протоколамъ, подписаннымъ членами в. т. совѣта и аппробованнымъ

---

*) См., наприм., стр. 86 и сл.

**) Такъ въ подтвержденіе того, что *протоколы* посылались иногда для подписи членамъ совѣта на домъ, я ссылаюсь на стр. 25, LV, *Сб. И. Об.*, гдѣ сказано, что „вышеписанный *указъ* въ сенатъ противъ того слово въ слово написанъ, который всѣ опредѣленныя въ в. т. совѣтѣ особы подписали и которыя не присутствовали тѣ на дворахъ подписали"; въ доказательство того, что *протоколы* подписываются иногда на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, я ссылаюсь, между прочимъ, на стр. 267, т. LVI того же *Сборника*, гдѣ говорится, что „свѣтлѣйшему князю объявленъ написанный *указъ*, о которомъ разсуждено въ прошедшее собраніе... который *указъ* его свѣтлость, выслушавъ, закрѣпили, а къ прочимъ для закрѣпы посланъ секретарь Топильскій"; наконецъ, въ подтвержденіе того, что члены совѣта иногда отказывались отъ подписи *протокола* и проч., приводится такая ссылка: „секретарь Топильскій объявилъ, что онъ *для закрѣпы того же указа* былъ у его королевскаго высочества, да у д. т. с. гр. Толстого, которые того *указа* закрѣпить не изволили, а объявили его королевское высочество, что когда о томъ указѣ разсуждено было, тогда же въ в. т. совѣтѣ въ присутствіи (его) не было"...

***) Правда, былъ еще указъ 4 августа 1726 г., который запрещалъ вѣрить „объявленіямъ, словеснымъ или письменнымъ, *безъ подписанія* нашея собственныя руки или *всего* нашего в. т. совѣта"; но, по толкованію самого же г. Алексѣева, „этотъ указъ ничего не говоритъ о формѣ указовъ, объявляемыхъ изъ в. т. совѣта. Эта форма, очевидно, оставалась *прежняя* (иначе—та, которая была установлена приведенными выше постановленіями,—добавимъ мы въ поясненіе), т.-е. *указы*, изготовляемые по протоколамъ, подписаннымъ членами в. т. совѣта и аппробованными императрицей, контрасигновались д. с. с. Степановымъ" (стр. 73).

императрицею, контрасигнировались д. с. с. Степановымъ» (стр. 73). Какимъ же образомъ здѣсь, не вступая въ противорѣчіе съ самимъ собою, онъ можетъ утверждать, что въ цитируемыхъ имъ изъ моей книгѣ ссылкахъ дѣло идетъ *объ указахъ*, которые вовсе и не должны были подписываться членами совѣта? Еслибы мы допустили *вообще* (исключенія могли быть, конечно) правильность утвержденія проф. Алексѣева, что здѣсь вездѣ дѣло идетъ объ указахъ, отдававшихся для подписи членамъ *совѣта*, то не послужило ли бы это утвержденіе лишнимъ доказательствомъ нашей мысли, что совѣтъ мало стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ формальными правилами, установленными закономъ? Но допустить правильности такого сужденія нельзя, такъ какъ во всѣхъ почти приведеннымъ цитатахъ дѣло идетъ *о протоколахъ*, отдаваемыхъ для подписи членамъ совѣта. Вотъ почему я, обсуждая въ своей книгѣ вопросъ о примѣненіи въ дѣлопроизводствѣ совѣта правила *о крѣпленіи* протоколовъ (а не указовъ), говорю «о протоколахъ, содержащихъ указы» или «о протоколахъ указовъ», т.-е., иначе говоря, не только не смѣшиваю (какъ ясно уже изъ приведенныхъ возраженій) указовъ съ протоколами, но прямо различаю протоколы, содержавшіе въ себѣ указы, уже готовые къ отправленію въ тѣ или иныя учрежденія, и протоколы, содержавшіе въ себѣ постановленія совѣта, не выливавшіяся затѣмъ въ форму указовъ. На такое различіе наводитъ необходимо практика совѣтскаго дѣлопроизводства, по правиламъ которой, какъ утверждаетъ и самъ проф. Алексѣевъ, «указъ составляется съ протокола или, какъ выражается оффиціальный языкъ того времени, «противу протоколу», а самъ указъ не есть протоколъ, а лишь *одно* изъ возможныхъ его послѣдствій» (стр. 91). То обстоятельство, что указъ составлялся «противу протоколу», подписанному членами совѣта,— или, иначе говоря, *текстъ* указа содержался въ протоколѣ въ окончательной его редакціи,—и давало, повидимому, журналамъ совѣта право говорить *объ указѣ* тамъ, гдѣ былъ лишь *протоколъ*, содержащій въ себѣ текстъ подлежавшаго разсылкѣ указа, что и имѣло именно мѣсто во всѣхъ разбираемыхъ г. Алексѣевымъ ссылкахъ моей книги. Но если журналы и говорятъ объ указахъ, мы ихъ не можемъ называть указами (какъ дѣлаетъ г. Алексѣевъ), и не можемъ по той простой причинѣ, что дѣло идетъ здѣсь не объ указахъ, а лишь о протоколахъ, содержащихъ тексты указовъ (или, какъ говорятъ еще позднѣйшіе источники, «о протоколахъ на указы»). Что это такъ, не трудно доказать актами самого совѣта.

Г. Алексѣевъ, наприм., утверждаетъ, что я, въ доказательство того, что *протоколы* подписывались иногда въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій, ссылаюсь на стр. 267, LVI тома *Сб. И. Об.*, гдѣ, однако, говорится *не о протоколѣ*, а *объ указѣ* (ib); какъ замѣчено выше, я, однако, приводя указанную, какъ и рядъ другихъ ссылокъ, говорю «о протоколахъ указовъ» (стр. 42 моей книги). Акты совѣтскаго дѣлопроизводста вполнѣ подтверждаютъ мои слова. Изъ сопоставленія журнала совѣта, содержащаго разбираемую г. Алексѣевымъ ссылку, съ протоколомъ совѣта, въ которомъ

заключается текстъ указа, упоминаемаго въ этой ссылкѣ *), вполнѣ ясно, что журналъ, говоря объ указѣ, подписанномъ Меншиковымъ, а затѣмъ отправленномъ «для закрѣпы» другимъ членамъ совѣта на домъ, имѣлъ въ виду не что иное, какъ *протоколъ* текста указа, отправленнаго для подписи, а вовсе *не самый указъ*, какъ думаетъ проф. Алексѣевъ.

Какъ отмѣчено выше, по мнѣнію г. Алексѣева, я не только говорю о протоколахъ тамъ, гдѣ совѣтскіе акты говорятъ объ указахъ, но и нахожу *указы* тамъ, гдѣ ихъ будто бы вовсе нѣтъ: «что г. Филипповъ отожествляетъ протоколы съ указами»,—говоритъ проф. Алексѣевъ,—и какъ будто даже и не подозрѣваетъ, что между ними можетъ существовать какое-нибудь различіе, всего ярче выступаетъ въ томъ мѣстѣ его изслѣдованія (стр. 43, 44), гдѣ онъ констатируетъ грубое, будто бы, нарушеніе верховнымъ тайнымъ совѣтомъ установленныхъ законами правилъ, состоявшее, по его словамъ, въ томъ, что указы, которые должны были подписываться всѣми членами верховнаго тайнаго совѣта, подписываются лишь присутствующими, и въ подтвержденіе этого своего утвержденія приводитъ цѣлый

---

*) На стр. 267 LVI тома находимъ слѣдующій журналъ совѣта, который и приводимъ буквально: „Журналъ верховнаго тайнаго совѣта. 14 октября 1726 г. 1726 г. октября въ 14-й день въ верховномъ тайномъ совѣтѣ рейхсъ-маршалу и генералу-фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю объявленъ написанный указъ, о которомъ разсуждено въ прошедшее собраніе, то-есть въ понедѣльникъ, о взятьѣ изъ военной, да изъ каморъ-коллегіи вѣдомостей, о сборѣ и о расходѣ подушныхъ денегъ, и что оныхъ въ доимкѣ, который указъ его свѣтлость выслушавъ закрѣпилъ, а къ прочимъ для закрѣпы посланъ въ домы секретарь Иванъ Топильской". Черезъ нѣсколько страницъ, именно на стр. 282 и сл., мы находимъ прямое доказательство, что именно *протоколъ*, содержащій въ себѣ текстъ *указа*, упомянутаго въ предыдущемъ журналѣ, а не самый *указъ*, былъ подписанъ членами совѣта, во главѣ съ Меншиковымъ (которому, какъ видно изъ того же журнала, онъ *первому* былъ предложенъ къ подписи); слѣдовательно, мы имѣли право видѣть въ этомъ журналѣ указаніе *на протоколъ* указа, посылаемаго для подписи, а *не указъ*, какъ думаетъ проф. Алексѣевъ. Вотъ самый *протоколъ*, содержащій упомянутый выше текстъ указа и приводимый нами буквально: „Протоколъ верховнаго тайнаго совѣта. 19 октября 1726 г. 1726 г. октября въ „ " день Еѣ Императорское Величество указала вверховный тайный совѣтъ взять из военной и із каморъ-колегей вѣдомости: 1) сколько на прошлые 1724-й и 1725-й годы і нынѣшняго 1726-го году на прошедшие двѣ трети в зборѣ подушныхъ денегъ, которые собираются по семи гривен на полки, порознь по годамъ; также что і сверхъ того положенныхъ на государственныхъ крестьянъ четырехъ гривенныхъ; 2) на сколько по ценѣ взачотъ подушных денегъ втѣхъ городѣхъ провианта и ѳуража скрестьянъ взято натурою; 3) что тѣхъ денегъ на которой год осталось вдоимке по провинциямъ порознь, и о тѣхъ доимочныхъ денгах ввоенную колегию свѣчныхъ квартир ѳоицѣры, а вкаморъ-колегию земские комисары что репортуютъ; 4) сначала збору подушныхъ денегъ, а имянно съ 1724-го году сколко наличного провианта из магазиновъ заготовления каморъ-колегіи принято, и что сверхъ подушныхъ денегъ из другихъ зборовъ из штатсъ-канторы вправианскую канцелярию дано; 5) из военной колегіи взять вѣдомость же, что ис тѣх семигривенныхъ денегъ куды вросход употреблено, і что за расходы востатке на лицо. Подлинный подписали: Александръ Меншиковъ. Канцлеръ графъ Головкинъ. Князь Дмитрей Галицынъ. Андрей Остерманъ. Василей Степановъ. Подписан въ 19 ден 1726 г.".

рядъ страницъ изъ *Сборника Дубровина* (т. LVI, 82, 92, 126, 131 и др.; т. LXIII, стр. 33, 56, 99 и мн. др.). Раскрывая же эти страницы, мы не находимъ на нихъ *ни одного указа*» (стр. 75, прим. 2). Раскрывая въ свою очередь эти страницы *), а равно и объясненіе къ нимъ, данное мною въ указанномъ г. Алексѣевымъ мѣстѣ моей книги, легко видѣть, что я говорю вездѣ «о протоколахъ, содержащихъ указы». Всѣ ссылки на *Сборникъ* совершенно однообразны и вполнѣ подтверждаютъ мое объясненіе къ нимъ, гласящее буквально слѣдующее: «сообразно съ яснымъ стремленіемъ совѣта» *крѣпить протоколы, содержащіе указы, не всѣмъ* членамъ,—какъ того требовалъ п. 4-й указа 8 февраля (приведенный уже нами выше), а также и указъ 4 августа 1726 г. (послѣдній запрещалъ вѣрить указамъ безъ подписанія нашея собственныя руки и *всего* верховнаго тайнаго совѣта), а лишь *присутствующимъ* въ верховномъ тайномъ совѣтѣ особамъ, мы и встрѣчаемъ указы совѣта, подписанные почти постоянно только нѣсколькими членами, а не полнымъ составомъ верховнаго тайнаго совѣта» (стр. 43 и сл.). Здѣсь видно ясно, что я говорю «о протоколахъ, содержащихъ указы», или, какъ выражались позднѣе, о «протоколахъ на указы» **), которые должны были подписываться всѣми членами совѣта. Впрочемъ, если держаться буквальнаго смысла указа 4 августа 1726 г., какъ это

---

*) Такъ, напримѣръ, на стр. 82 т. LVI читаемъ слѣдующее: „Протоколъ верховнаго тайнаго совѣта, 16 сентября 1726 г. 1726 года сентября въ 16 день Еѣ Императорское Величество по челобитью штатсъ-конторы прокурора Алексѣя Жолобова указала для нуждъ ево отпустить въ деревни ево на годъ и о томъ въ сенатъ послать указъ. Подлинный подписали: Александръ Меншиковъ. Канцлеръ графъ Головкинъ. Графъ Петръ Толстой, Андрей Остерманъ, Василій Степановъ; Подписанъ того жъ числа“. На стр. 92 того же тома читаемъ: протоколъ верховнаго тайнаго совѣта 21 сентября 1726 г. 1726 года сентября въ 21 день Еѣ Императорское Величество указала по прошенію прибывшаго всанктпетербурхъ Христофора митрополита сантаврійскаго, для ево скудости, на пропитаніе, покамѣсть о удовольствіи ево и протчихъ прибывшихъ грузинскихъ духовныхъ персонъ генералвое опредѣленіе учинено будетъ, выдать ему нынѣ взачотъ впредь опредѣленнаго жалованья сто рублевъ искаморъ-конторы синодской и о томъ всятѣйшій синодъ послать указъ. Подлинный подписали: Карлъ Фридерихъ, Александръ Меншиковъ, Канцлеръ графъ Головкинъ, Графъ Петръ Толстой, Князь Дмитрій Голицынъ, Андрей Остерманъ, Василій Степановъ. Подписанъ въ 26 день сентября 1726 г.“. Въ примѣчаніи къ только-что приведенному протоколу сказано, что „указъ состоялся 28 сентября и составляетъ дословное повтореніе протокола“, т.-е., иначе говоря, здѣсь мы имѣемъ (какъ, впрочемъ, и во всѣхъ прочихъ ссылкахъ, приводимыхъ противъ насъ г. Алексѣевымъ) протоколъ, содержащій указъ, или „протоколъ на указъ“; этотъ указъ затѣмъ дословно брался изъ протокола, такъ какъ указы изготовлялись, какъ справедливо замѣчено и самимъ г. Алексѣевымъ, *по протоколамъ*, подписаннымъ членами совѣта.

**) Въ такъ-называемыхъ „дѣлахъ бывшаго кабинета“ Анны Іоанновны, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, есть тетради, носящія такое наименованіе: „*копіи съ протоколовъ на указы* изъ кабинета ко внутреннимъ кабинетнымъ дѣламъ въ синодъ, сенатъ, коллегіи и канцеляріи“ („дѣла быв. кабинета“, 1737 г., № 69; тоже 1738, № 5). Вверху каждаго листа, содержащаго такой указъ, стоитъ слово *протоколъ*; въ связкахъ, содержащихъ *отпуски* этихъ указовъ, такого слова *нѣтъ*; и въ этомъ все различіе однихъ отъ другихъ.

дѣлаемъ мы въ нашей книгѣ, то надо сказать, что съ этого времени какъ «протоколы на указы», такъ и самые указы должны были подписываться всѣмъ совѣтомъ чего, однако, не было въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, если проф. Алексѣевъ, раскрывъ указанныя выше страницы «протоколовъ, журналовъ и указовъ» совѣта, не нашелъ тамъ *ни одного* указа, а только протоколы и на этомъ обстоятельствѣ хотѣлъ доказать смѣшеніе мною указа и протокола, то едва ли онъ этого достигъ, такъ какъ на этихъ страницахъ заключаются «протоколы, содержащіе указы», или «протоколы указовъ», какъ я ихъ называю въ своей книгѣ (стр. 42, 43), и называю сознательно, имѣя въ виду отличить ихъ отъ протоколовъ, содержавшихъ не одни только тексты указовъ, но и другія постановленія и опредѣленія совѣта (см. примѣры этого рода протоколовъ *Сб. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 145 сл., 372 сл.; т. LVI, стр. 25 сл., 46 сл., и мн. др.). Что же касается главнаго вопроса: нарушалъ ли совѣтъ требованіе закона о подписаніи протоколовъ «*всѣмъ* назначеннымъ особамъ верховнаго тайнаго совѣта», а не только *присутствующимъ*, — то даже изъ рецензіи самого г. Алексѣева видно, что нарушалъ (стр. 88 и сл.), какъ это доказывалось и мною.

VI.

Чтобы покончить съ вопросомъ «о недостаточномъ ознакомленіи» моемъ съ формами совѣтскаго дѣлопроизводства, коснусь еще моего толкованія указа 4 августа 1726 г., подавшаго поводъ г. Алексѣеву «пожалѣть» какъ «о той поспѣшности», съ которою я дѣлаю свои выводы, такъ «и о той опрометчивости», съ которою я будто бы группирую «отрывочныя выписки изъ документовъ и, не беря на себя труда серьезно вдуматься въ нихъ», пользуюсь, однако, ими, «чтобъ обвинить цѣлое учрежденіе въ безнравственныхъ поступкахъ и очернить его въ глазахъ потомства» (стр. 77, прим. 3). Рѣшительность такого приговора надъ моимъ толкованіемъ указа 4 августа заставляетъ думать, что по крайней мѣрѣ самъ проф. Алексѣевъ, опровергая его, «серьезно вдумался» въ разбираемые мною документы и вполнѣ удовлетворительно объяснилъ ихъ. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ въ дѣйствительности, такъ какъ частію толкованіе г. Алексѣева противорѣчитъ мною указаннымъ фактамъ, частію же вовсе оставляетъ безъ разрѣшенія относящіеся сюда вопросы. Чтобы сдѣлать вполнѣ яснымъ для читателя, въ чемъ заключается здѣсь дѣло, коснемся прежде всего толкованія указа 4 августа, даваемаго какъ мною, такъ и г. Алексѣевымъ. Какъ уже извѣстно, указы 8 февраля и 28 марта 1726 г.,— противъ чего не споритъ и г. Алексѣевъ,—требовали, чтобъ изъ верховнаго тайнаго совѣта указы посылались «за закрѣпою» *одного* только В. Степанова. Но, затѣмъ, когда обнаружилось, что «какъ въ сенатѣ, такъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ объявляютъ нѣкоторые, какъ письменно, такъ и словесно, нашими именными указами *о важныхъ дѣлахъ* (примѣры

такихъ «объявленій», на основаніи архивныхъ данныхъ, указаны мною на стр. 183 моего изслѣдованія), императрица повелѣла «такимъ объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ, безъ подписанія нашея собственной руки, или *всего нашего верховнаго тайнаго совѣта*, не вѣрить» (*П. С. З.*, VII, № 4945). Разбирая всѣ эти постановленія, я говорю, что до указа 4 августа всѣ указы изъ совѣта отправлялись за подписью лишь *одного* Степанова, теперь же въ важныхъ случаяхъ они должны были отправляться за подписью «*всего* верховнаго тайнаго совѣта» (стр. 185 моего изслѣдованія). Проф. Алексѣевъ, приведя указъ 4 августа, замѣчаетъ, что «этотъ указъ *ничего* не говоритъ о формѣ указовъ, объявляемыхъ изъ верховнаго тайнаго совѣта. Эта форма, очевидно, оставалась *прежняя*, т.-е. эти указы, изготовляемые по протоколамъ, подписаннымъ членами верховнаго тайнаго совѣта и аппробованнымъ императрицею, контрасигновались д. т. с. Степановымъ» (стр. 73). Я бы ничего не имѣлъ противъ такого толкованія указа 4 августа и охотно бы согласился съ нимъ, еслибъ противъ его правильности не говорили, между прочимъ, слѣдующіе факты, приведенные и въ моей книгѣ, но почему-то оставленные безъ разсмотрѣнія г. Алексѣевымъ, хотя именно въ нихъ-то и заключается основаніе моего вывода. Именно, не кто иной, какъ сенатъ полагалъ, что указъ 4 августа *измѣняетъ* форму указовъ, отправляемыхъ изъ совѣта, и измѣняетъ ее въ томъ смыслѣ, что если до этого указа было достаточно, чтобъ совѣтскіе указы отправлялись за подписью *одного* Степанова, то теперь была нужна для ихъ законности подпись *всего* совѣта *). Если такимъ образомъ современники указа 4 августа понимали его такъ, какъ онъ толкуется мною, то г. Алексѣеву, опровергая это толкованіе, слѣдовало бы привести въ его пользу какія-либо данныя, показывающія, что сенатъ, какъ и я, толкуетъ указъ этотъ невѣрно. Но, что толкованіе указа 4 августа, какъ акта, устанавливающаго *новую* форму указовъ, отправляемыхъ изъ совѣта, однако, правильно, видно еще изъ того, что совѣтъ долженъ былъ однажды, хотя временно, признать необходимость подписывать указы особамъ «*всего* вер-

---

*) Именно, когда совѣтъ обратился къ сенату съ запросомъ, почему онъ „умедлилъ" рѣшеніемъ дѣла по указу совѣта объ отдачѣ земли Остерману, то, какъ видно изъ журнала совѣта отъ 16 сентября 1726 г., сенаторы совѣту „отвѣтствовали, что *сомнѣніе* они прежде имѣли, что тотъ указъ присланъ *не за всѣхъ руками верховнаго тайнаго совѣта*, и не будетъ ли отъ того противности состоявшемуся указу августа 4 дня сего году? На что имъ въ разсужденіе предложено, что о томъ *протоколъ* записанъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ и закрѣпленъ руками *всѣхъ присутствующихъ особъ*, а указъ присланъ за рукою одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василья Степанова, и то по силѣ указу Ея Императорскаго Величества, каковъ за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ въ сенатъ присланъ *прежде* о томъ, что какимъ образомъ изъ верховнаго тайнаго совѣта указы отправляемы быть имѣютъ, и господа сенаторы объявили, что они о томъ уже сомнѣнія не имѣютъ и по присланному указу исполненіе учинятъ, о чемъ верховному тайному совѣту донесено того-жъ числа" (*Сб. Ист. Общ.*, LVI, стр. 81 и сл.). Сравн. мое изслѣдованіе, стр. 44, 184 и сл.

ховнаго тайнаго совѣта» *), а затѣмъ, едва умираетъ Екатерина, отмѣняетъ примѣненіе этого указа. Именно, 12 мая 1727 г., едва проходитъ недѣля послѣ кончины Екатерины, какъ въ совѣтѣ ставится вновь вопросъ о томъ, должны ли отправляемые изъ совѣта указы подписывать *всѣ* присутствующіе, или «по прежнему учрежденію» лишь *одинъ* Степановъ, и рѣшаютъ послѣднее (стр. 190 моего изслѣдованія). Спрашивается, зачѣмъ же въ совѣтѣ неоднократно ставился вопросъ о томъ, отправлять ли указы за подписью *одного* Степанова (какъ было прежде) или за подписью *всего* верховнаго тайнаго совѣта (какъ требовалъ указъ 4 августа), если,—какъ утверждаетъ г. Алексѣевъ,—указъ 4 августа «ничего не говоритъ о формѣ указовъ, объявляемыхъ изъ верховнаго тайнаго совѣта» и «эта форма, очевидно, оставалась *прежняя*»? И зачѣмъ же самъ совѣтъ, когда къ тому представилась возможность, поспѣшилъ отмѣнить эту форму указовъ, установленную 4 августа, когда,—если опять-таки вѣрить проф. Алексѣеву,—она «оставалась *прежняя*» **). Мы, повторяемъ, охотно бы приняли толкованіе указа 4 августа, предложенное г. Алексѣевымъ, еслибъ оно представлялось намъ согласимымъ какъ съ вышеприведенными, такъ и съ другими, имъ аналогичными, фактами; но такъ какъ этого нѣтъ, то и наше объясненіе указа 4 августа можетъ пока остаться, какъ намъ кажется, въ полной силѣ, съ чѣмъ и согласится каждый нелицепріятный читатель.

Перехожу теперь къ утвержденію г. Алексѣева, что я не только обвиняю верховный тайный совѣтъ «въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ», но «хочу изобличить совѣтъ и въ безнравственныхъ поступкахъ». «Примѣромъ та-

---

*) Такъ, когда позднѣе совѣтъ послалъ сенату указъ о назначеніи М. Воейкова оберъ-прокуроромъ сената за подписью *одного* Степанова, „а *не всего* верховнаго тайнаго совѣта, какъ *указъ* повелѣваетъ“, сенаторы „предложили“ объ этомъ совѣту „и потому предложенію оный указъ велѣно принять и, переписавъ, *верхов. тайнаго совѣта у всего собранія подписать* и потомъ въ сенатъ отослать“ (*Сб. Ист. Общ.*, LXIII, стр. 231). Такое рѣшеніе совѣта записано въ журналѣ его отъ 9 марта 1827 г.; но уже въ журналѣ 13 марта того же года читаемъ вновь слѣдующее: „*о переписанномъ* (согласно съ предшествующимъ рѣшеніемъ, конечно) въ сенатѣ указѣ объ оберъ-прокурорѣ М. Воейковѣ для подписанія верховнаго тайнаго совѣта особамъ докладовано, на которое разсуждено, что *всѣмъ особамъ онаго указа подписывать не надлежитъ*, а отослать прежній подписанный рукою д. ст. с. В. Степанова, который того же числа съ экзекуторомъ Елагинымъ и посланъ въ сенатъ“ (ib., стр. 241 и сл.).

**) Въ журналѣ совѣта отъ 12 мая 1727 г. (императрица, какъ извѣстно, скончалась 6 мая) читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „при закрѣпѣ вышеописанныхъ протоколовъ докладывано объ отправляемыхъ изъ верховнаго тайнаго совѣта *указѣхъ, всѣ ли* присутствующія изволятъ оныя подписывать, или *по прежнему учрежденію* дѣйствительному статскому совѣтнику Степанову. Повелѣли по состоявшимся въ верховномъ тайномъ совѣтѣ протоколамъ надлежащіе указы отправлять *по прежнему* за рукою его, дѣйствительнаго статскаго совѣтника“ (*Сб. Ист. Общ.*, LXIII, стр. 481). Здѣсь ясно, что различались *двѣ* формы указовъ: *одна*, которую должны были подписывать *всѣ* присутствующія особы (вѣрвѣе—весь совѣтъ), и *другая*, созданная „по прежнему учрежденію“ и требовавшая подписи только *одного* Степанова. „Прежнее учрежденіе“, очевидно, указы 8 февраля и 28 марта 1726 г., новое—указъ 4 августа того же года.

кихъ безнравственныхъ поступковъ,—какъ утверждаетъ авторъ рецензіи,—долженъ служить случай», разсказанный мною на стр. 186 моего изслѣдованія. «Случай этотъ,—продолжаетъ пр. Алексѣевъ,—заключается будто бы въ томъ, что верховный тайный совѣтъ намѣренно, въ интересахъ своего политическаго верховенства, *исказилъ* именной указъ императрицы 4 августа, собственноручно ею подписанный,—другими словами, совершилъ *подлогъ*. Въ этомъ указѣ было сказано, что не должно вѣрить объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ «безъ подписанія нашея собственныя руки или *всего* верховнаго тайнаго совѣта». Это слово «всего» не понравилось будто бы членамъ верховнаго тайнаго совѣта. «Совѣтъ, находя для себя болѣе удобнымъ, чтобъ указы его подписывались лишь присутствующими, а не всѣми членами», разослалъ указъ 4 августа безъ слова «всего» и только, когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія императрицы (можетъ быть вслѣдствіе указаннаго возраженія сената *), указъ возстановлялся въ его первоначальномъ видѣ,—случай, рѣзко характеризующій самовластіе совѣта» (ibid., 3-е прим. къ 75 стр.). По обыкновенію, проф. Алексѣевъ, передавая мой выводъ, довольно свободно относится къ моимъ словамъ. Я, дѣйствительно,—на основаніи данныхъ, оставшихся (какъ увидимъ ниже) неопровергнутыми г. Алексѣевымъ,—утверждалъ и нынѣ еще утверждаю, что «указъ 4 августа разсылался совѣтомъ въ той редакціи, въ какой онъ это находилъ для себя болѣе удобнымъ (т.-е. безъ слова *всего*) и только тогда, когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія императрицы, указъ былъ возстановленъ въ его первоначальномъ видѣ», почему и нахожу, что это есть «случай, рѣзко характеризующій самовластіе совѣта» (стр. 186 и сл.). Но я вовсе не хочу вообще «изобличать совѣтъ въ безнравственныхъ поступкахъ», вовсе не вижу въ разсказанномъ случаѣ «примѣра такихъ безнравственныхъ поступковъ» (что могло бы подать поводъ думать, что такихъ случаевъ было много) или «подлога», какъ выражается г. Алексѣевъ, а лишь замѣчаю, что, толкуя по-своему указъ 4 августа, «совѣтъ готовъ былъ, *повидимому,* идти даже на неблаговидные поступки, а именно, *на измѣненіе,* при разсылкѣ, текста именного указа 4 августа» (ibid.). Я, такимъ образомъ, несмотря на полную очевидность для меня *измѣненія* текста указа 4 августа, оставляю пока вопросъ подъ сомнѣніемъ, говорю, что совѣтъ «повидимому» былъ готовъ идти на неблаговидные поступки. Зачѣмъ же понадобилось г. Алексѣеву въ оцѣнкѣ даннаго случая идти *дальше* меня, выдавая при этомъ свое собственное вольное изложеніе моего вывода за самый выводъ?

Но обратимся теперь къ самому случаю, бывшему при примѣненіи совѣтомъ на практикѣ указа 4 августа, и посмотримъ, на основаніи какихъ доводовъ можетъ г. Алексѣевъ столь рѣзко оспаривать мое утвержденіе *объ измѣненіи* совѣтомъ текста указа 4 августа. Приведемъ, прежде всего, цѣликомъ самое

*) Это возраженіе сената приведено нами выше, въ примѣчаніи 1-мъ послѣдняго отдѣла.

возраженіе г. Алексѣева. По автору, мое обвиненіе совѣта въ неблаговидномъ поступкѣ «построено, прежде всего, на невѣрномъ пониманіи смысла указа 4 августа. Указъ этотъ, какъ мы показали выше,—говоритъ г. Алексѣевъ,— изданный въ отсутствіе Меншикова, вовсе не былъ направленъ противъ формы указовъ, объявляемыхъ изъ верховнаго тайнаго совѣта, а противъ словесныхъ повелѣній, объявляемыхъ остальными сильными персонами *) и, главнымъ образомъ, противъ повелѣній, объявляемыхъ отъ имени императрицы Меншиковымъ. Члены совѣта, поспѣшившіе воспользоваться отсутствіемъ Меншикова, чтобы провести этотъ направленный противъ него указъ, не только не имѣли никакого интереса пропускать слово «всего», а, напротивъ, могли только сочувствовать редакціи указа, въ которой это слово заключалось; это слово «всего» подчеркивало ту тенденцію указа, которой всего болѣе дорожили оставшіеся въ Петербургѣ члены верховнаго тайнаго совѣта и которая своимъ остріемъ была направлена противъ Меншикова **). Обвиненіе г. Филипповымъ верховнаго тайнаго совѣта въ искаженіи текста указа 4 августа противорѣчитъ и ходу событій, засвидѣтельствованному журналами и протоколами. *Указъ 4 августа,* который является не указомъ *изъ* верховнаго тайнаго совѣта, а *указомъ верховному тайному совѣту,* былъ полученъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ 5

*) Что ближайшимъ поводомъ къ изданію указа 4 августа послужили именные *словесные* указы, объявляемые „отъ разныхъ персонъ“ (главнымъ образомъ Меншиковымъ),— это не подлежитъ спору, конечно, и въ моей книгѣ отмѣчено значеніе этого повода, съ указаніемъ на примѣры подобныхъ указовъ (см., наприм., стр. 182 и сл.); однако, не только сенатъ, но частью и совѣтъ видѣли въ немъ, какъ указано нами выше, повелѣніе, направленное вообще противъ *прежней* формы указовъ, объявляемыхъ изъ совѣта, причемъ совѣтъ хотѣлъ держаться въ своей практикѣ этой прежней, а не новой формы указовъ. Кромѣ того. „сильные персоны“ сидѣли и въ совѣтѣ и могли объявлять отъ имени императрицы „словесно и письменно“ указы, почему и предписывалось „не вѣрить такимъ объявленіямъ, безъ подписанія нашея собственныя руки или *всего* нашего верховнаго тайнаго совѣта“.

**) Что указъ этотъ былъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ словесныхъ повелѣній, объявленныхъ отъ имени Екатерины Меншиковымъ, отмѣчено и у меня въ книгѣ; неизвѣстно, однако, на какихъ данныхъ основываетъ свое соображеніе г. Алексѣевъ о сочувствіи оставшихся членовъ совѣта редакціи указа со словомъ „всего“; передъ нами, „Записка верховнаго тайнаго совѣта“, поданная Екатеринѣ вмѣстѣ съ доношеніемъ сената о словесныхъ указахъ, объявляемыхъ разными персонами, гдѣ этого слова *всего* не имѣется; неизвѣстно также, когда была подана эта „Записка“ (на ней нѣтъ даты), сенатъ же подалъ свое доношеніе еще въ апрѣлѣ (*Сб. И. Об.,* т. LVI, стр. 15 и сл.), такъ что не видно, спѣшилъ ли совѣтъ или нѣтъ, въ лицѣ оставшихся членовъ, подать ее въ отсутствіе Меншикова. Едва ли также тенденція указа 4 августа, заключавшаяся въ словѣ „всего“, была направлена своимъ остріемъ *только* противъ Меншикова; въ совѣтѣ засѣдали и другія „сильныя персоны“, которыя также могли имѣть случай объявлять гдѣ-либо словесные указы императрицы, и „Записка“ направлена не противъ этихъ указовъ, а противъ того, чтобъ ихъ объявляли „мимо верховнаго тайнаго совѣта“, который самъ предполагалъ ихъ разсылать въ сенатъ и коллегіи. Во всякомъ случаѣ, редакція указа 4 августа со словомъ „всего“ могла стѣснять совѣтъ уже просто потому, что требовала подписи совѣта *in corpore,* между тѣмъ какъ совѣтъ рѣдко собирался въ полномъ составѣ.

августа, съ предписаніемъ послать съ него указы въ сенатъ, синодъ и первые 3 коллегіи (см. протоколъ 5 августа, стр. 17, т. LVI) *). Но послѣ того, какъ императрица сдѣлала это распоряженіе, она *почему-то* приказываетъ взять изъ верховнаго тайнаго совѣта и вернуть его ей въ Петергофъ («представленъ имъ Ея И. Величества указъ, выданный въ 4 день августа за собственною Ея И. Величества рукою, который *бранъ былъ въ Петергофъ»,*—стр. 85 т. LVI). Въ виду этого, 13 августа, верховный тайный совѣтъ, который уже успѣлъ послать указъ въ сенатъ, дѣлаетъ распоряженіе, чтобъ *остановить публикацію указа,* взятую императрицею обратно (т. LVI, стр. 36, 37). Только черезъ мѣсяцъ, а именно 16 сентября, императрица взятый ею обратно указъ возвращаетъ черезъ своего кабинетъ-секретаря въ верховный тайный совѣтъ въ исправленномъ видѣ («и показано, что въ ономъ учинена только добавка *всего* верховнаго тайнаго совѣта, а въ посланныхъ тогда указахъ изъ верховнаго тайнаго совѣта того слова *всего* не было писано»); верховный тайный совѣтъ, усмотрѣвъ эту добавку, сдѣланную императрицею, рѣшаетъ взять тѣ указы, которые были разосланы имъ до 13 августа, обратно и «слово прибавочное приправить и паки отдать» (т. LVI, стр. 85). Очевидно, такимъ образомъ, что указъ 4 августа верховнымъ тайнымъ совѣтомъ *никогда* не искажался, что въ первоначальномъ текстѣ слова «всего» не было и что *это слово было вставлено императрицею въ Петергофѣ»* (стр. 75 и сл., прим. 3). Какъ видно изъ приведеннаго возраженія, оно распадается на 2 части, причемъ въ одной г. Алексѣевъ упрекаетъ меня «въ невѣрномъ пониманіи текста указа 4 августа», въ другой—оспариваетъ мое утвержденіе, что совѣтъ *измѣнилъ* текстъ этого указа, выбросивъ изъ него слово «всего». Мы выдѣлили уже эту первую часть возраженія и отвѣтили на нее выше частью въ текстѣ, частью въ примѣчаніяхъ, чтобы съ большей ясностью отвѣтить теперь отдѣльно на *вторую,* притомъ главную, часть указаннаго возраженія. Не соглашаясь съ моимъ утвержденіемъ, что совѣтъ *измѣнилъ* при разсылкѣ текстъ указа 4 августа, выпустивъ изъ него слово «всего», г. Алексѣевъ ссылается, во-первыхъ, на протоколъ 5 августа 1726 г., изъ котораго видно, что совѣтомъ былъ полученъ для разсылки въ подлежащія учрежденія разбираемый именной указъ Екатерины **); затѣмъ, во-вторыхъ,— на

---

*) Эти слова проф. Алексѣева могутъ подать кому-либо поводъ думать, что я считаю указъ 4 августа „указомъ изъ верховнаго тайнаго совѣта", а не „указомъ верховному тайному совѣту", чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности; но у меня въ книгѣ прямо отмѣчено, что этотъ указъ „былъ данъ совѣту" и уже изъ совѣта былъ 5 августа „объявленъ" сенату (стр. 184, прим. 44).

**) Вотъ его буквальный текстъ: „вышеписанной Ея И. Величества указъ полученъ сего августа 5 дня и чтобъ по оному какъ въ сенатѣ, такъ въ синодѣ и во всѣхъ колегияхъ и канцелярияхъ исполняли, о томъ въ сенатъ и въ синодъ и въ первыя три колегіи—въ иностранную и обѣ военныя—послать Ея И. Величества указы изъ верховного тайного совѣта. А въ протчие колегіи и канцеляріи о томъ же послать указы изъ сената, и чтобъ по тому указу въ кабинетъ и въ верховной тайной совѣтъ безъ всякого замедления репорты прислали" (т. LVI, стр. 17).

журналъ совѣта отъ 17 сентября того же года, изъ котораго видно, что императрица «почему-то», какъ выражается г. Алексѣевъ, взяла этотъ указъ обратно въ Петергофъ *), и, наконецъ, на журналъ совѣта отъ 13 августа, изъ котораго, будто бы, видно, что совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе о пріостановкѣ публикаціи указа, взятаго императрицею обратно **). Всѣ эти ссылки теперь передъ нами на-лицо и ихъ легко подвергнуть разбору, чтобъ убѣдиться въ вѣрности или невѣрности нашего вывода; жаль только, что г. Алексѣевъ не прибавилъ къ нимъ еще двухъ, указанныхъ мною въ моей книгѣ,—самаго текста указа 4 августа въ первоначальномъ видѣ и ссылки моей на журналъ 16 сентября, приводившейся уже нами выше, такъ какъ обѣ эти ссылки весьма важны для подтвержденія нашего вывода объ измѣненіи редакціи указа 4 августа совѣтомъ ***). Но даже и оставляя ихъ въ сторонѣ пока и разбирая лишь тѣ ссылки, на которыхъ основываетъ свое возраженіе самъ проф. Алексѣевъ, что мы видимъ? Изъ журнала 17 сентября видно, что въ посланныхъ *изъ совѣта* указахъ «слова *всего* не было написано»; а изъ журнала 13 августа видно, что это слово *всего,* вопреки мнѣнію г. Алексѣева, *было* въ первоначальномъ текстѣ указа 4 августа, ибо иначе совѣтъ не могъ бы задать секретарю Моисееву того вопроса, какой онъ ему задалъ, а именно,— «по посланному изъ верховнаго тайнаго совѣта въ сенатъ указу объ именныхъ указахъ, чтобъ безъ подписанія собственной Ея И. Величества руки и *всего* верховнаго тайнаго совѣта не вѣрить, что учинено?» Что слово «всего»—опять-таки вопреки мнѣнію г. Алексѣева—*было* въ первоначальномъ текстѣ указа 4 августа (до его отсылки въ Петергофъ къ императрицѣ), видно не только изъ того текста, напечатаннаго въ *Сборникѣ*

---

*) Приведемъ и этотъ журналъ цѣликомъ: „1726 г., въ 17 день сентября, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ были рейсхъ-канцлеръ и ген.-фельдмаршалъ, св. *кн. Меншиковъ,* канцлеръ гр. Головинъ, д. т. с.: графъ Толстой, баронъ Остерманъ; предъявленъ имъ Ея И. Величества указъ, выданный въ 4-й день августа за собственною Ея И. Величества рукою, который бранъ былъ въ Петергофъ, а *вчерашняго* дня паки отданъ отъ тайнаго кабинетъ-секретаря господина Макарова, и показано, что въ ономъ учинена только добавка *всего* верховнаго тайнаго совѣта, *а въ посланныхъ тогда указѣхъ изъ верховнаго тайнаго совѣта того слова всего не было написано;* нынѣ повелятъ ли то слово прибавочное въ тѣ указы вписать, и приказали, чтобъ тѣ указы взявъ, то слово прибавочное приправить и паки отдать“ (ibid., стр. 85).

**) Въ журналѣ этомъ сказано: „въ верховный тайный совѣтъ призыванъ былъ изъ сената секретарь Семенъ Моисеевъ и спрашиванъ: по посланному изъ верховнаго тайнаго совѣта въ сенатъ указу, о имянныхъ указѣхъ, чтобъ, безъ подписанія собственной Ея И. Величества руки и *всего* верховнаго тайнаго совѣта, не вѣрить, что̀ учинено? На что онъ отвѣтствовалъ, что, по силѣ помянутаго присланнаго указу, посланы изъ сената указы о томъ *только* въ коллегіи и канцеляріи, а въ прочія мѣста не послано и не публиковано и не печатано, и печатать не велѣно; и сверхъ того ему Моисееву приказано съ подтвержденіемъ, чтобъ по тому указу для посылки въ прочія мѣста указовъ не печатали и никуда не посылали и въ народъ публикаціи-бъ не чинили-бъ“ (ibid., стр. 36 и сл.).

***) Они указаны въ примѣчаніи 47, стр. 187 моей книги.

Ист. Общ. и помѣченнаго 4 августа Екатериною *), но и изъ журнала 16 сентября, приведеннаго нами выше. Въ этомъ журналѣ отмѣчено «сомнѣніе» сенаторовъ о томъ, можно ли исполнить совѣтскій указъ, присланный «*не за всѣхъ* руками верховнаго тайнаго совѣта и не будетъ ли отъ того *противности* состоявшемуся указу августа 4 дня сего года?» Если мы повѣримъ на минуту утвержденію г. Алексѣева, что «указъ 4 августа верховнымъ тайнымъ совѣтомъ никогда не искажался, что въ первоначальномъ текстѣ слова *всего* не было и что *это слово было вставлено императрицею въ Петергофѣ*», то спрашивается, какимъ же образомъ сенаторы нашли *его* въ указѣ 4 августа, когда петергофская «добавка» слова *всего* была сдѣлана не ранѣе 16 сентября, а найдя его долго сомнѣвались **), можно ли имъ исполнить совѣтскій указъ, присланный не по формѣ этого указа 4 августа? Такимъ образомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это слово *всего* было въ первоначальномъ текстѣ указа 4 августа, а затѣмъ изъ него исчезло, и «въ посланныхъ тогда *изъ верховнаго тайнаго совѣта* того слова *всего* не было написано», какъ категорически увѣряетъ журналъ совѣта отъ 17 сентября. Спрашивается, кто же его изъ этихъ указовъ выкинулъ? Такъ какъ указы эти, составлявшіе копію указа 4 августа, даннаго самою Екатериною, разсылались *изъ* совѣта, то я и нашелъ возможнымъ это *измѣненіе* текста приписать совѣту. «Не почему-то», какъ выражается г. Алексѣевъ, но именно вслѣдствіе того, что это слово «всего» исчезло изъ указа 4 августа, Екатерина, надо думать, и взяла его текстъ въ Петергофъ, гдѣ и была «въ ономъ учинена только *добавка* «всего» верховнаго тайнаго совѣта». Авторъ рецензіи замѣчаетъ, что «въ виду этого» (т.-е. въ виду взятія указа 4 августа въ Петергофъ) «13 августа верховный тайный совѣтъ, который уже успѣлъ послать указъ въ сенатъ, дѣлаетъ распоряженіе, чтобъ остановить публикацію указа, взятаго императрицею обратно», и ссылается при этомъ, какъ указано выше, на журналъ совѣта отъ 13 августа. Мы привели эту ссылку буквально (въ примѣчаніи выше); изъ нея ясно, что сенатъ исполнилъ то, что было предписано ему совѣтомъ (послалъ указъ въ коллегіи и канцеляріи), «а въ прочія мѣста», по заявленію секретаря сената, указа 4 августа «не послано и не публиковано, и не печатано, и печатать не велѣно». Совѣтъ, выслушавъ это, лишь подтвердилъ это распоряженіе сената, а вовсе не остановилъ «публикацію указа, взятаго императрицею обратно», такъ какъ такой публикаціи совсѣмъ и не предполагалось, какъ

---

*) Томъ LVI, стр. 14. „Указъ верховному тайному совѣту—„4 августа“ (дальше идетъ извѣстный текстъ указа, содержащій и спорное слово „всего“). Подписано: „Екатерина“. Въ Санктъ-Петербурхѣ августа въ 4-й день 1726 г.“.

**) Протоколъ совѣта о посылкѣ въ сенатъ этого указа, возбудившаго „сомнѣніе“ сената (объ отдачѣ земли во владѣніе бар. Остерману), былъ подписанъ еще 24 августа (LVI, стр. 50, 52) и вскорѣ же, вѣроятно, былъ отправленъ въ сенатъ; послѣдній, однако, несмотря на то, что дѣло касалось столь сильной „особы“, какъ Остерманъ, медлилъ рѣшеніемъ до 16 сентября.

это видно изъ посланнаго совѣтомъ указа, содержаніе коего передано въ протоколѣ совѣта отъ 5 августа (приведенъ выше въ примѣчаніи). Да и откуда проф. Алексѣевъ узналъ, что еще до 13 августа императрица взяла свой указъ отъ 4 августа въ Петергофъ? Любопытно бы имѣть подтвержденіе этого факта, такъ какъ на немъ проф. Алексѣевъ, между прочимъ, основываетъ свой выводъ, что слова «всего» не было въ первоначальномъ текстѣ разбираемаго указа 4 августа.

Возражая мнѣ, проф. Алексѣевъ находитъ, что «обвиненіе верховнаго тайнаго совѣта въ нарушеніи тѣхъ или другихъ правилъ (дѣлопроизводства) объясняется» лишь моимъ «недостаточнымъ знакомствомъ съ *формами* дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта, какъ онѣ засвидѣтельствованы его протоколами и журналами». Факты, однако, на-лицо, и значительная часть ихъ признана и самимъ проф. Алексѣевымъ. Именно указъ 8 февраля 1726 г. требовалъ, чтобы «протоколы, резолюціи» крѣпились «*всѣми* назначенными особами верховнаго тайнаго совѣта», но они, однако, крѣпились, какъ я доказываю, въ большинствѣ случаевъ, лишь *присутствующими* *); указъ 4 августа говорилъ, что не надо вѣрить «объявленіямъ безъ подписанія нашея собственныя руки и *всего* нашего верховнаго тайнаго совѣта», но совѣтъ разослалъ первоначально, куда надлежало, указъ безъ этого слова «всего», а затѣмъ и позднѣе посылалъ указы за подписью одного Степанова. Эти, какъ и другія, указанныя нами отступленія отъ *формы* дѣлопроизводства вполнѣ подтверждаютъ нашъ общій выводъ, что совѣтъ склоненъ былъ придавать мало значенія подобнымъ *формальнымъ* ограниченіямъ своихъ дѣйствій и легко вообще нарушалъ ихъ. Едва ли, поэтому, только однимъ недостаточнымъ знакомствомъ моимъ объясняется, какъ думаетъ г. Алексѣевъ, этотъ мой выводъ. Какъ

---

*) См. стр. 42 моего изслѣдованія. Проф. Алексѣевъ также говоритъ, что „подписывали протоколы *только члены верховнаго тайнаго совѣта*, такъ или иначе принимавшіе участіе въ составленіи резолюціи, т.-е. или присутствовавшіе на засѣданіяхъ, на которыхъ обсуждался вопросъ, или на засѣданіяхъ, на которыхъ слушался или закрѣплялся состоявшійся по данному вопросу протоколъ .. *Члены же совѣта, не присутствовавшіе ни на засѣданіи, на которомъ обсуждался вопросъ, ни на засѣданіи, на которомъ слушался протоколъ, протокола этого не подписывали*" (стр. 88 и сл.). Впрочемъ, двумя страницами раньше, г. Алексѣевъ говоритъ нѣчто,—на нашъ взглядъ, по крайней мѣрѣ, какъ будто не вполнѣ совпадающее съ только что указаннымъ выводомъ: *отсутствовавшіе члены подписывали протоколы, которые включали резолюціи, состоявшіяся внѣ ихъ присутствія на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, или имъ эти протоколы посылались на домъ;* но ежели подписать та персона за какимъ сумнительствомъ не соизволитъ, о томъ предложить, чтобы на другой день благоволилъ прислать письменное на тое резолюцію за своею рукою мнѣніе. Буде на другой такого мнѣнія прислано не будетъ и по той резолюціи, хотя одна или двѣ персоны *не подписали* токмо отправлять указы, чтобы въ дѣлахъ Ея Имп. Вел. остановки ни малой не было" (ibid., стр. 86). Во всякомъ случаѣ изъ того и другого вывода явствуетъ, что протоколы совѣта могли подписываться *не всѣми* его членами, какъ того категорически требовалъ указъ 8 февраля 1726 г., т.-е., иначе говоря, совѣтъ не исполнялъ точно предписаній закона.

раньше при Петрѣ В. сенатъ, такъ позднѣе совѣтъ и сенатъ не соблюдали всегда предписанныхъ формъ дѣлопроизводства. Еще Петръ В. боролся противъ стремленія рѣшать дѣла въ сенатѣ «въ одиночку», или только двумъ или тремъ сенаторамъ; «должность» сената Екатерины I также требовала «закрѣплять протоколы *всему* сенату», но сенатъ того и другого царствованія, какъ и *совѣтъ*, плохо исполнялъ эту важную формальность, имѣвшую своею цѣлью гарантировать рѣшеніе дѣлъ не отдѣльными личностями, а учрежденіемъ *in corpore* (борьба противъ нарушенія учрежденіями этой формальности идетъ весь почти XVIII вѣкъ). Я долженъ былъ поэтому отмѣтить несоблюденіе совѣтомъ указанной весьма важной формальности, и мой выводъ остается непоколебленнымъ и послѣ разсужденія о немъ г. Алексѣева *)...

VII.

Какъ это понятно само собою, исторія преобразованія петровскаго сената, а равно и характеристика отношеній верховнаго тайнаго совѣта къ сенату и обратно должны были прежде всего остановить вниманіе всякаго изслѣдователя, взявшагося за изображеніе судебъ сената въ правленіе новаго верховнаго учрежденія. Поэтому я и посвящаю указаннымъ вопросамъ особую главу, подробно изслѣдуя всѣ тѣ перемѣны, какія послѣдовательно, тотчасъ же послѣ учрежденія совѣта, началъ испытывать на себѣ сенатъ, причемъ, въ интересахъ цѣльности моего очерка, разсматриваю узаконенія, исходившія какъ отъ Екатерины и ея личнаго кабинета, такъ и отъ совѣта, отмѣчая всякій разъ, къ какой именно группѣ относится то или другое изъ нихъ. Затѣмъ, давая характеристику первымъ (по времени)

---

*) Какъ нѣкотораго рода курьезъ, отмѣчу слѣдующее: на моемъ докторскомъ диспутѣ, говоря о моемъ утвержденіи, что совѣтъ на практикѣ обнаружилъ стремленіе крѣпить протоколы *не всѣмъ* членамъ, а лишь *присутствующимъ*, тогда какъ указъ 8 февраля требовалъ „крѣпить протоколы, резолюціи *всѣмъ* назначеннымъ особамъ верховнаго тайнаго совѣта“, проф. Алексѣевъ, между прочимъ, задалъ мнѣ, въ видѣ возраженія, вопросъ: „гдѣ же найдете вы коллегіальное *учрежденіе*, дѣлопроизводство котораго обязывало бы членовъ *подписывать протоколы* засѣданій, на которыхъ они *не* присутствовали?“ (см. *Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній*, т. VI, хроника, стр. 65). Теперь, какъ ясно всякому, такое *учрежденіе* (въ лицѣ того же верховнаго тайнаго совѣта) нашлось не только для меня, но и для проф. Алексѣева, который говоритъ, что „*отсутствовавшіе члены подписывали протоколы*, которые включали резолюціи, состоявшіяся *внѣ* ихъ присутствія, на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, или имъ эти протоколы посылались на домъ“ и проч. Слѣдуя манерѣ самого проф. Алексѣева, можно было бы обратиться къ нему съ вопросомъ, когда же „достаточно ознакомился“ почтенный ученый съ формами дѣятельности совѣта,—тогда ли, когда онъ задавалъ мнѣ указанный выше вопросъ, или нынѣ? И зачѣмъ же отсутствовавшіе члены подписывали протоколы засѣданій, когда это для нихъ не было обязательно? Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что по современнымъ коллегіальнымъ учрежденіямъ нельзя судить о прежнихъ, и прежде всего о в. т. совѣтѣ?

и притомъ самымъ важнымъ указамъ, касавшимся отношеній совѣта и сената, я замѣчаю, что всѣ эти указы (именно, указъ 8 февраля, 14 марта и 28 марта, равно какъ явившійся въ промежутокъ между этими указами указъ «о должности» сената) и «мнѣніе не въ указъ» составляютъ вмѣстѣ цѣлый циклъ мѣропріятій, направленныхъ *противъ сената* почти одновременно» (стр. 156 моей книги). Это мое замѣчаніе привело «въ недоумѣніе» проф. Алексѣева и относительно перваго изъ названныхъ указовъ (8 февраля 1726 г.) онъ говоритъ слѣдующее: «намъ указываютъ на указъ 8 февраля, какъ на первое мѣропріятіе, направленное противъ сената *верховнымъ тайнымъ совѣтомъ*, а между тѣмъ это мѣропріятіе было принято, когда еще не существовало верх. тайн. совѣта», а относительно «должности» сената замѣчаетъ, что это не указъ, объявленный верховн. тайн. совѣтомъ, это—непосредственное повелѣніе государыни, состоявшееся безъ всякаго участія верховн. тайн. совѣта. Болѣе чѣмъ странно приводить его среди указовъ, долженствующихъ охарактеризовать политику захватовъ верховнаго тайн. совѣта, направленную противъ сената» (стр. 99 и сл.). Удивляюсь, почему мой почтенный рецензентъ приписываетъ мнѣ столь странные выводы, когда мой взглядъ на эти указы, какъ видно изъ приведенной уже выдержки, вполнѣ ясенъ: приведенные указы направлены *противъ сената*, но направлены *не верховнымъ тайнымъ совѣтомъ*, а императрицей. Въ моей книгѣ я прямо указываю, что какъ разбираемыя, такъ и нѣкоторыя другія узаконенія даны *изъ* кабинета императрицы, и при этомъ говорю, что Екатерина «вообще—потому ли, что члены совѣта не хотѣли брать на себя всей отвѣтственности (по крайней мѣрѣ вначалѣ) за приниженіе сената, потому ли, что сама находила необходимымъ лично регулировать отношенія совѣта къ сенату, но нерѣдко *вмѣшивалась* въ возникавшіе при этомъ вначалѣ вопросы» (ibid.). Такимъ образомъ, недоумѣніе г. Алексѣева легко разрѣшается объясненіемъ, даннымъ уже въ моей книгѣ. Что же касается другихъ указовъ, перечисленныхъ выше и направленныхъ *противъ* сената, то ихъ, несомнѣнно, можно приписать самому совѣту, хотя бы, прежде всего, по формальнымъ основаніямъ: указъ 14 марта былъ указомъ, объявленнымъ *изъ* совѣта; «мнѣніе не въ указъ», составленное герцогомъ Голштинскимъ, было принято совѣтомъ *единогласно* (послѣ какихъ-то, оставшихся, впрочемъ, неизвѣстными, замѣчаній Остермана,—*Сб. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 68) и было принято, надо полагать, потому, что удовлетворяло своимъ содержаніемъ членовъ совѣта; указъ же 28 марта, какъ вѣрно замѣчено и самимъ г. Алексѣевымъ, былъ списанъ съ «мнѣнія не въ указъ» (стр. 107). Утверждая всѣ эти узаконенія, Екатерина давала лишь «аппробацію» тому, что прошло въ совѣтѣ (ею только былъ измѣненъ 3-й пунктъ, да были сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія на два другихъ пункта «мнѣнія»,—см. ibid., стр. 103). Поэтому, для меня представлялось совершенно допустимымъ, разбирая отдѣльныя постановленія этихъ узаконеній, придти къ тому выводу, что верх. тайн. совѣтъ въ приведенныхъ указахъ (т.-е. указахъ 14 и 28 марта, но не указахъ 8 февраля,

7 и 14 марта, какъ думаетъ проф. Алексѣевъ *) и «мнѣніи» либо пытается слиться воедино съ личностью императрицы, либо стать съ нею рядомъ, какъ величина ей равная, а «мнѣніе не въ указъ»—назвать самымъ рѣзкимъ выраженіемъ стремленій совѣта, такъ какъ въ немъ (особенно въ первоначальной редакціи 3-го пункта **) весьма ярко выступаетъ наружу то, что съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности (какъ и позднѣе) верховный тайный совѣтъ ставилъ своею задачей—сосредоточіе въ себѣ политическаго руководительства страною и «генеральнаго управленія и надзиранія надъ всѣми коллегіями» и пр. (п. 13 «мнѣнія»), прямое и непосредственное отношеніе къ верховной власти, съ попыткою полнаго представительства этой власти передъ страною (стр. 31 моей книги). Этому утвержденію нашему, основанному на нѣкоторыхъ изъ указовъ и отдѣльныхъ пунктахъ «мнѣнія не въ указъ», проф. Алексѣевъ противополагаетъ слѣдующее, и мнѣ, конечно, отлично извѣстное обстоятельство: «мнѣніе не въ указъ» было-де «составлено не кѣмъ инымъ, какъ герцогомъ Голштинскимъ, зятемъ императрицы и самымъ близкимъ ей человѣкомъ, и имъ же внесено въ в. т. совѣтъ» (стр. 101 и сл. рецензіи). Это, конечно, несомнѣнно, но важно то, что герцогъ Голштинскій, желая подорвать самовластіе Меншикова, хочетъ противопоставить ему власть и значеніе *совѣта*, что эта мысль находитъ себѣ яркое выраженіе въ «мнѣніи не въ указъ», которое принимается членами совѣта *единогласно*, такъ какъ и они, по разсказу самого же г. Алексѣева, могли только сочувствовать ограниченію Меншикова *учрежденіемъ*, членами коего они сами состояли. Пусть даже вѣрно, что герцогъ Голштинскій «провелъ учрежденіе верх. тайн. совѣта», какъ утверждаетъ проф. Алексѣевъ, изъ желанія сломить власть Меншикова; пусть совершенно справедливо, что Екатерина указала герцогу въ этомъ совѣтѣ первое мѣсто и не жалѣла средствъ, чтобы поддержать его здѣсь престижъ (ib., стр. 116 и сл.), съ цѣлью «создать изъ него силу, которая уравновѣсила бы вѣсъ и вліяніе Меншикова». Но характерно, что это ограниченіе могло быть сдѣлано *черезъ учрежденіе* только, хотя бы потому, что герцогъ по своимъ качествамъ и проч. «не могъ стать въ одинъ уровень съ Меншиковымъ». Но въ учрежденіи, гдѣ засѣдалъ герцогъ и гдѣ онъ только и могъ бороться

*) Проф. Алексѣевъ, приведя цитату моей книги: „стремясь на первыхъ же порахъ оставить за собою политическое руководительство, верх. тайн. совѣтъ *въ приведенныхъ указахъ* и мнѣніи“ и пр. (стр. 101), вставляетъ послѣ словъ „въ приведенныхъ указахъ“ указы 8 февраля, 7 и 14 марта. Эта вставка основана на недоразумѣніи: изъ текста стр. 31 и сл. моей книги видно, какъ мнѣ кажется, ясно, что я разумѣлъ здѣсь указъ 14 марта (именной указъ, объявленный изъ верх. тайн. совѣта), затѣмъ указъ 28 марта (тоже объявленный изъ совѣта), „мнѣніе не въ указъ“ (тоже прошедшее черезъ совѣтъ), причемъ сослался и „на должность“ сената, не скрывая, что она была дана *именнымъ* указомъ самой Екатерины; сослался потому, что хоть „должность“ и ставила совѣтъ, какъ верховное учрежденіе надъ сенатомъ, но въ разсматриваемыхъ узаконеніяхъ совѣтъ пошелъ гораздо дальше „должности“ и представлялось важнымъ сопоставить ихъ съ „должностью“.

**) Этотъ пунктъ приводится нами ниже.

съ Меншиковымъ, были и другіе члены, шедшіе охотно на ту же борьбу. Такъ, тамъ засѣдалъ кн. Д. М. Голицынъ, который давно думалъ, что «надо дать вельможеству *самостоятельное* значеніе, при которомъ оно могло бы не обращать вниманія *на фаворитовъ*» (Соловьевъ); тамъ засѣдалъ «вѣрный союзникъ» въ борьбѣ съ Меншиковымъ герцога — гр. Толстой; тамъ былъ еще Остерманъ, мысли коего не легко раскрываются передъ нами, но который, однако, умѣлъ служить и Меншикову, и герцогу Голштинскому (остальные — «старики Головкинъ и Апраксинъ не занимали въ совѣтѣ вліятельнаго положенія»,—ib., стр. 120 и сл.). Стремленія герцога (даже если держаться изображенія отношеній между отдѣльными членами, даваемаго г. Алексѣевымъ) находили отличную почву въ совѣтѣ, такъ какъ укрѣпляли значеніе послѣдняго, какъ цѣлаго; оставалось идти дальше, и совѣтъ пошелъ дальше, особенно въ царствованіе Петра II и при избраніи Анны Іоанновны на царство.

Особенно важно отмѣтить, что все, чего только добивались отдѣльные члены совѣта, они добивались *черезъ* совѣтъ; даже самъ Меншиковъ не всегда находилъ удобнымъ обходить совѣтъ (не касаемся здѣсь дѣлъ военной коллегіи). Такъ сама собою сказалась сила совѣта, какъ учрежденія. Проф. Алексѣевъ, говоря о значеніи «сильныхъ персонъ» въ совѣтѣ, приходитъ къ заключенію (довольно, впрочемъ, неожиданному въ устахъ автора, признающаго *только* совѣщательное значеніе совѣта и оспаривающаго мое утвержденіе, что совѣтъ не удовлетворялся этою ролью), что «если верховный тайный совѣтъ въ это время проявлялъ какія-нибудь стремленія, *выходившія* за тѣ рамки его дѣятельности, которыя были ему указаны императрицей, то эти стремленія могли исходить отъ герцога Голштинскаго и отъ Меншикова» *) (стр. 124 и сл.). Еслибъ это такъ и было въ дѣйствительности, еслибы мы и допустили даже, что въ этихъ стремленіяхъ прочіе члены совѣта не играли никакой роли (что едва ли возможно), то и въ такомъ случаѣ важно здѣсь главнымъ образомъ то обстоятельство, что эти стремленія прикрывались *именемъ* совѣта и что даже такой «полудержавный властелинъ», какъ Меншиковъ, или даже такой

---

*) Къ этимъ словамъ г. Алексѣевъ добавляетъ еще слѣдующее: „но мы не думаемъ, чтобы наши ученые, не исключая и гг. Милюкова и Филиппова, считали бы ихъ (т.-е. герцога Голштинскаго и Меншикова) способными быть носителями какихъ бы то ни было политическихъ идеаловъ и могли бы приписывать имъ намѣренія измѣнить нашу форму правленія на подобіе шведской или даже англійской“ (стр. 125). Отвѣтъ на это частью ужъ данъ въ моей книгѣ: на стр. 26 я говорю, что „для даннаго времени (т.-е. для времени Екатерины) звучитъ *нѣсколько странно* предположеніе Кампредона о проектѣ новой формы правленія, устроеннаго *на подобіе англійскаго*“; но позднѣе замыселъ „верховниковъ“, съ Д. М. Голицынымъ во главѣ, по крайней мѣрѣ на время, оправдываетъ это предположеніе. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ, были ли у названныхъ лицъ какіе-либо политическіе идеалы, но въ томъ, что они, даже по разсказу г. Алексѣева, способствовали созданію, а затѣмъ и развитію значенія *учрежденія*. Начавъ съ ограниченія „временщика“, это учрежденіе попыталось закончить свои „стремленія“ знаменитыми „кондиціями“.

близкій къ императрицѣ человѣкъ, какъ герцогъ Голштинскій, находили для себя необходимымъ дѣйствовать *черезъ совѣтъ*. Кто бы и въ силу какихъ бы то ни было соображеній ни задумалъ созданія совѣта, кто бы въ немъ ни игралъ наиболѣе важную роль, совѣтъ являлся затѣмъ — съ вольнаго или невольнаго согласія государей—силою самъ по себѣ: противополагая совѣтъ, какъ таковой, властолюбію Меншикова, снабжая его средствами для развитія своего значенія и т. д., тѣмъ самымъ укрѣпляли его власть и положеніе. Но разъ то и другое за нимъ укрѣпилось, совѣтъ могъ дѣйствовать въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и интересахъ. Въ исторіи политическихъ учрежденій вообще не рѣдки случаи, что учрежденіе, созданное для одной цѣли, служитъ затѣмъ другимъ. И вотъ учрежденіе, имѣвшее своею первоначальною цѣлью «ограниченіе» власти временщика, являлось затѣмъ «ограничительнымъ» вообще. Неудивительно, что уже при Екатеринѣ совѣтъ фактически выходилъ за рамки, указанныя ему Екатериной, что̀ и отмѣчено въ моей книгѣ *), хотя и оставлено почтеннымъ ученымъ безъ вниманія, несмотря на то, что имъ оспаривается мое положеніе, что совѣтъ не былъ только совѣщательнымъ учрежденіемъ, а пытался уже при Екатеринѣ (не говоря уже о послѣдующемъ времени) идти и дальше. Впрочемъ, проф. Алексѣевъ весьма рѣзко оспариваетъ еще одинъ мой выводъ, относящійся къ дѣятельности совѣта въ области верховнаго финансоваго управленія, а именно мой выводъ, что совѣтъ очень ревниво относился къ сохраненію своего верховенства въ области этого управленія (стр. 89 моей книги), несмотря на то, что самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей рецензіи, что къ области непосредственной дѣятельности, а, слѣдовательно, *и къ вѣдѣнію в. т. совѣта* относятся... дѣла *верховнаго* финансоваго управленія (установленіе новыхъ податей и налоговъ, чрезвычайные расходы, неоплатныя дачи и т. д. стр. 68). «Обладать верховенствомъ въ области финансоваго управленія значитъ обладать высшею, т.-е. самостоятельною, независимою властью установлять подати и налоги и распоряжаться государственными суммами», возражаетъ г. Алексѣевъ (стр. 109 рецензіи). Это, конечно, вполнѣ вѣрно; но что же говорятъ его собственныя слова, только что приведенныя выше и что же гласятъ узаконенія екатерининскаго времени, относящіяся къ вопросу? А вотъ что: именной указъ 20 іюня 1727 г., объявленный *изъ* верховнаго тайнаго совѣта, гласилъ, что «указали мы изъ сената, изъ синода и изъ коллегій *никакихъ дачъ* изъ казны *денегъ* на прошлые годы *безъ указу верховнаго тайнаго совѣта* не чинить» (*Полн. собран. закон.*, № 5105). Что же это, какъ не право совѣта распоряжаться государственными суммами, предоставленное ему Екатериной **)?

---

*) Примѣры указаны ниже.

**) Проф. Алексѣевъ видитъ почему-то опровержепіе моего вывода въ указѣ 15 іюля 1726 г., который, по толкованію его, признаетъ „это верховенство *только* за суверепнымъ органомъ, за государыней“ и пр. (стр. 109). Вотъ текстъ этого указа, даннаго штатсъ-конторѣ: „отъ сего времени, какъ денегъ, такъ товаровъ и другихъ вещей, безъ нашего указа, за собственноручнымъ нашимъ *или* всего верхов-

Или именной указъ 4 января того же года, объявленный также *изъ* верховнаго тайнаго совѣта, гласилъ, что «указали мы, для всегдашняго въ нашемъ верховномъ тайномъ совѣтѣ *извѣстія* подавать въ сенатъ вѣдомости изъ синода, и изо всѣхъ коллегій и канцелярій, кромѣ двухъ воинскихъ и иностранной, сколько, гдѣ въ приходѣ и расходѣ денежной казны будетъ и что за расходы на лицо, въ сенатѣ, чиня изъ всѣхъ тѣхъ вѣдомостей перечневыя, *подавать въ верховный тайный совѣтъ въ каждый* понедѣльникъ неотмѣнно» (ibid., № 4998); что же это за указъ, если не видѣть въ немъ облегченіе для совѣта внимательнаго *контроля* *) надъ приходами и расходами казенныхъ денегъ, какъ думаю я? Или, наприм., что же означаетъ постановленіе пункта 10-го «мнѣнія не въ указъ», какъ не право установленія податей и налоговъ (съ утвержденія императрицы, конечно), прямо гласящее, что «*новыя подати* или иныя какія новыя учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ верховномъ тайномъ совѣтѣ» (*Сб. Ист. Общ.*, LV, стр. 95)? Намъ представлялось, въ виду означенныхъ узаконеній, совершенно возможнымъ говорить о верховенствѣ совѣта въ области финансоваго управленія, нисколько, конечно, не умаляя державныхъ правъ самой государыни. А, между тѣмъ, проф. Алексѣевъ, несмотря на указъ 20 іюня 1727 г., находитъ возможнымъ утверждать, что совѣтъ безъ апробаціи императрицы не имѣлъ права «распорядиться хоть одною копейкою изъ государственной казны» (ibid., стр. 109).

наго тайнаго совѣта подписаніемъ, кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ, ни на какіе чрезвычайные расходы отнюдь не отпускать" (VII, № 4930). Здѣсь, думается намъ, совѣтъ поставленъ императрицею рядомъ съ собою; деньги выдаются „по нашему указу", *именному* въ собственномъ смыслѣ слова (т.-е. подписанному императрицею и не прошедшему *черезъ* совѣтъ), *или* по *именному* ею не подписанному, а подписанному совѣтомъ (иначе говоря, именному, объявленному *изъ* верховнаго тайнаго совѣта). Замѣчу еще, что г. Алексѣевъ почему-то думаетъ, что я скрываю отъ читателей, что этотъ указъ *именной* въ собственномъ смыслѣ (т.-е. не прошедшій *черезъ* совѣтъ), но на стр. 88 моей книги этотъ указъ такъ и названъ *именнымъ*.

*) Цѣлямъ контроля совѣта надъ приходомъ и расходомъ суммъ должно было служить и возстановленіе ревизіонъ-коллегіи съ подчиненіемъ ее *совѣту* (п. 9, указъ 24 февраля 1727 г.—VII, № 5017). Касаясь моего вывода по этому вопросу, проф. Алексѣевъ говоритъ, что „возстановленіе ревизіонъ-коллегіи не только не было *самовластнымъ актомъ* верховнаго тайнаго совѣта, направленнымъ *противъ сената*, а совершенно наоборотъ,—было узаконеніемъ, состоявшимся *по инициіативѣ самого сената*" (стр. 112). Да, сенатъ, дѣйствительно, представлялъ совѣту о необходимости возстановленія ревизіонъ-коллегіи, но предлагалъ при этомъ оставить эту коллегію (или контору), согласно „должности" сената, въ вѣдомствѣ *самого сената* (на это указывается ссылка сената на 13 пунктъ „должности", гдѣ повелѣвалось „ревизіонъ-контору имѣть счетомъ *въ полномъ вѣденіи въ сенатѣ*"). Совѣтъ же подчинилъ ее *себѣ*, нарушивъ при этомъ указанный пунктъ „должности". Какимъ же образомъ можно говорить, что возстановленіе этой коллегіи въ томъ видѣ, какъ это предлагалось сенатомъ, было, дѣйствительно, сдѣлано совѣтомъ? Вѣдь, совѣтъ измѣнилъ самое важное, на что указывалъ сенатъ,—*вѣдомство контроля*,—и измѣнилъ въ пользу собственнаго развитія компетенціи (подробности всего этого см. въ моей книгѣ стр. 168 и сл.)?

Уже приводившіеся выше, при случаѣ, примѣры дѣятельности совѣта показываютъ ясно, что изображеніе г. Алексѣевымъ совѣта, *какъ учрежденія совѣщательнаго, дѣйствовавшаго по указамъ и подъ руководствомъ суверённаго органа»* (стр. 115), далеко не отвѣчаетъ дѣйствительности. Еще менѣе мирится съ этимъ изображеніемъ то обстоятельство, что совѣтъ уже при Екатеринѣ проявлялъ весьма широкую *инициативу* дѣйствій, а «руководство» и «указанія» императрицы совѣту не всегда имѣли мѣсто въ его дѣятельности. Но мало этого: въ моей книгѣ указаны факты, которые невольно заставляютъ придти къ выводу, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда такія указанія и даже прямыя повелѣнія совѣту дѣйствительно давались императрицей, совѣтъ довольно-таки свободно относился къ нимъ, что едва ли было бы къ лицу такому скромному совѣщательному учрежденію, какимъ изображается совѣтъ г. Алексѣевымъ. Указъ 9 января 1727 г. повелѣвалъ, наприм., между прочимъ, «какъ для сихъ (т.-е. для дѣлъ по организаціи государственнаго контроля), такъ и прочихъ случающихся важныхъ дѣлъ *призывать* въ совѣтъ *по однова или по дважды въ недѣлю для совѣту сенаторей*»; однако, въ теченіе 4-хъ почти мѣсяцевъ, протекшихъ со времени этого указа до кончины Екатерины, совѣтъ едва ли два или три раза приглашалъ сенаторовъ къ себѣ на совѣщанія (*Исторія сената*, стр. 208 и сл.)! Или, наприм., еще въ началѣ 1726 г., обсуждая 5-й пунктъ «мнѣнія не въ указъ», касавшійся раздѣленія самого совѣта на департаменты, Екатерина повелѣла совѣту «учинить особое мнѣніе со изъясненіемъ» по этому вопросу; прошелъ весь этотъ годъ, а въ январѣ 1727 г. императрица жаловалась, что, несмотря на это повелѣніе, «сіе *до сего времени* не учинено», и приказала «*немедленно* учинить проектъ... и намъ *доложить*; прошло, однако, еще 4 мѣсяца, государыня скончалась, не получивъ этого проекта отъ совѣта (ib., стр. 36, 56 и сл.), хотя вопросъ этотъ представлялъ высокую важность. Да и вообще весь только что упомянутый январьскій указъ Екатерины (точной даты его неизвѣстно) развѣ не служитъ указаніемъ на то, какъ мало иногда склоненъ былъ совѣтъ исполнять отдаваемыя ему приказанія? Или, наприм., 4-й пунктъ *тестамента* Екатерины категорически повелѣвалъ ввести въ совѣтъ цесаревенъ Анну и Елизавету («во время малолѣтства императора имѣютъ администрацію вести *наши обѣ цесаревны*, герцогъ и прочіе члены в. совѣта, который *обще* изъ 8 персонъ состоять имѣютъ»); однако, совѣтъ, почти на первыхъ же порахъ послѣ кончины Екатерины, счелъ возможнымъ совершенно игнорировать этотъ весьма, конечно, *важный* пунктъ*), и цесаревенъ въ засѣданія свои *не* приглашалъ, какъ и вообще отмѣнилъ вскорѣ затѣмъ тѣ постановленія императрицы, какія находилъ для себя почему-либо неудобными (ib., стр. 63 и сл.; стр. 191 и сл.). Можно, разу-

*) Еслибы цесаревны, согласно завѣщанію Екатерины, участвовали постоянно въ администраціи „совѣта", то, не говоря уже о томъ, что само учрежденіе могло получить другой характеръ, едва ли явилось бы возможнымъ приглашеніе Анны Іоанновны на царство, а также, можетъ быть, и предложеніе ей извѣстныхъ „кондицій".

мѣется, возразить на только что приведенные примѣры, что они имѣли мѣсто уже *послѣ* кончины государыни. Но какъ же, однако, могло случиться, что едва закрыла глаза императрица, какъ это столь скромное *совѣщательное* учрежденіе, привыкшее всегда жить и дѣйствовать «по указаніямъ и по руководствамъ суверенваго органа», вдругъ измѣнило (будучи притомъ въ прежнемъ составѣ) своему девизу? Вѣдь, «указанія» были налицо, стоило имъ только слѣдовать!?... Не вѣрнѣе ли будетъ поэтому предположить, что совѣтъ уже раньше пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ поступать сообразно своимъ цѣлямъ или, выражаясь словами самого же г. Алексѣева, «*проявлять... стремленія, выходившія за тѣ рамки его дѣятельности, которыя были ему указаны императрицей*» (стр. 124 рецензіи)? Г. Алексѣевъ отрицаетъ (въ прямое противорѣчіе съ признаніемъ только что указанныхъ стремленій, относимыхъ имъ, впрочемъ, только къ лицу Меншикова и герцога Голштинскаго), «какія бы то ни было политическія тенденціи» и «захваты» совѣта. Однако, вотъ передъ нами *третій пунктъ* «мнѣнія не въ указъ», въ его первоначальной, *отвергнутой* Екатериной редакціи, и въ новой, *одобренной* ею редакціи *). Или, вотъ, передъ нами докладъ совѣта государынѣ, въ которомъ содержится его предложеніе (также *не принятое* ею), что если *словесныя* повелѣнія императрицы будутъ касаться сената и коллегій, то «чтобы о томъ тѣ люди (которые ихъ получатъ) *прежде объявляли въ в. т. совѣтъ*, откуда о томъ указы посыланы будутъ, *а мимо в. т. совѣту* и въ коллегіяхъ словесныхъ вашего величества указовъ не объявляли бы» (*Исторія сената,* стр. 185, прим. 45). Неужели эти предложенія, исходившія отъ совѣта, не заключали въ себѣ политической тенденціи, по меньшей мѣрѣ, направленной къ тому, чтобы сдѣлать совѣтъ средоточіемъ *всего* правленія? И почему же эти предложенія были не приняты Екатериной? Можно, разумѣется, относиться къ этимъ и имъ подобнымъ стремленіямъ совѣта такъ или иначе, но совершенно невозможно утверждать, что совѣтъ былъ только совѣщательнымъ учрежденіемъ и не пытался, какъ доказываю я, выйти изъ той роли, какая ему была указана...

---

*) Приведемъ, для наглядности, этотъ 3-й пунктъ въ обѣихъ редакціяхъ, первоначальной, *отвергнутой* императрицею, и новой, ею *принятою*:

Первоначальная редакція:

„*Никакимъ указамъ прежде не выходить, пока оные въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялись,* протоколы не закрѣплены и ея величеству для всемилостивѣйшей апробаціи прочтены не будутъ, и потомъ, мугутъ оные, по учиненному здѣсь опредѣленію, отъ д. ст. сов. Степанова закрѣплены и отправлены быть“...

Принятая редакція:

„Чтобы о важныхъ дѣлахъ, поставя протоколы и на мѣрѣ, *и не подписавъ напередъ для апробаціи къ ея имп. величеству взносить,*—одной, по случаю смотря, по важности дѣла и двумъ персонамъ присутствующимъ отъ того верховнаго тайнаго совѣта,—*и какъ уже Ея имп. величество изволитъ апробовать, тогда подписывать и въ дѣйство производить*“ (*Сборн. Русск. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 94, 96 и сл.).

Затѣмъ, чѣмъ же, какъ не захватомъ, наприм., являлось отношеніе совѣта къ сенатской «должности», этому уставу сената, который долженъ былъ обезпечить за нимъ извѣстныя права и положеніе въ государствѣ? Вѣдь, совѣтъ постоянно нарушалъ эту «высочайше утвержденную должность» (*Исторія сената*, стр. 158 и сл.) и нарушалъ въ интересахъ развитія собственной власти?

Странно, что проф. Алексѣевъ, такъ подробно разбирающій вскользь брошенныя мною замѣчанія о партіяхъ и т. п., оставляетъ почти безъ всякаго объясненія факты, подобные выше указаннымъ, хотя на нихъ-то, по преимуществу, я и основываю свой выводъ о роли совѣта.

Нашъ отвѣтъ довольно затянулся, хотя мы и не могли дать, какъ хотѣли бы, подробныхъ объясненій *) на всѣ возраженія г. Алексѣева.

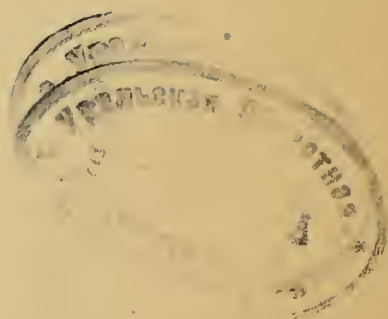
*) Отвѣтимъ теперь, хотя кратко, на тѣ немногія, впрочемъ, возраженія г. Алексѣева, которыя были оставлены выше безъ объясненій. Г. Алексѣевъ утверждаетъ, наприм., вопреки моему выводу, что „переименованіе сената (какъ и синода) состоялось *по непосредственному повелѣнію императрицы*“ (стр. 100, 113). А вотъ что гласитъ одинъ изъ протоколовъ совѣта: „понеже верховному тайному совѣту извѣстно учинилось, что въ сенатъ изъ первыхъ 3 коллегій промеморій не принимаютъ затѣмъ, что въ оныхъ не пишутъ (сенатъ) правительствующимъ, также и изъ другихъ коллегій не знаютъ какимъ образомъ титуловать сенатъ, отъ чего въ дѣлахъ есть остановка, того ради *отъ* верховнаго тайнаго совѣта... *ходилъ докладывать ея имп. величеству* т. к. секретарь А. Макаровъ, и пришедъ объявилъ, что *ея императ. величество, по представленію верховнаго тайнаго совѣта* указала сенату съ нынѣшняго времени именоваться и писаться высокій сенатъ, *а не правительствующій*“ (*Опись сен. арх.*, т. II, стр. III; о переименованіи синода см. въ моей книгѣ стр. 71, прим. 78, гдѣ видно ясно, что и здѣсь иниціатива шла *отъ* совѣта). Какъ же можно, въ виду подобныхъ данныхъ, не прегрѣшая передъ правдою, говорить *о непосредственномъ повелѣніи императрицы?* По поводу моего утвержденія, что совѣтъ *нѣсколько разъ* обсуждалъ вопросъ о положеніи синода, о его составѣ и компетенціи, пока не представилъ императрицѣ проектъ указа *о раздѣленіи синода на два департамента и другихъ вопросахъ*, который и былъ ею принятъ“, авторъ рецензіи увѣряетъ, что верховный тайный совѣтъ *не представлялъ* проекта этого указа императрицѣ, а, наоборотъ, императрица 1 іюня уже готовый проектъ внесла въ совѣтъ. *До 1-го же іюня совѣтъ ни разу* не обсуждалъ вопроса о раздѣленіи синода на два департамента“ (стр. 114). При этомъ проф. Алексѣевъ не обратилъ вниманія на то, что сама Екатерина еще 16 марта поручила совѣту „о синодѣ впредь особое учрежденіе учинить“, а совѣтъ въ тотъ же день постановилъ „*о синодѣ* сочинить мнѣніе *ради донесенія ея имп. величеству*, для ея всемилостивѣйшей *апробаціи*“ (*Сб. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 96). Это-то постановленіе совѣта и давало мнѣ право предположить, что „новосочиненный указъ“ о синодѣ, который „слушать и аппробовать изволила“ Екатерина, былъ составленъ кѣмъ-либо изъ членовъ совѣта, причемъ прежде, чѣмъ дойти до императрицы, былъ выслушанъ еще самимъ совѣтомъ (ibid., стр. 318). Отрицая, что проектъ этого указа (какъ утверждаю я) *нѣсколько разъ* обсуждался совѣтомъ, г. Алексѣевъ упустилъ изъ виду, что проектъ этотъ (давшій содержаніе указу 15 іюля 1726 г.) состоялъ не изъ одного только вопроса о раздѣленіи синода на два департамента, но касался и *состава* синода и пр. Если первая часть указа (о департаментахъ) была утверждена императрицею 3 іюня и слушалась въ совѣтѣ всего 2 раза (31 мая и 1 іюня), то вторая, по отношенію *къ составу*, обсуждалась и послѣ 3 іюня (*Исторія сената*, стр. 72 и сл., прим. 80). Если даже и признать (на осно-

Надѣясь, впрочемъ, что для этого найдется еще время и возможность и въ другой разъ, позволяемъ себѣ вкратцѣ резюмировать наше общее заключеніе. Какъ намъ кажется, можно оспаривать тѣ или иныя частности нашего взгляда на роль и значеніе совѣта въ то или другое царствованіе, но нельзя, однако, отвергать всякой связи между отдѣльными моментами непродолжительной жизни этого учрежденія, нельзя раздѣлять совершенно совѣта Екатерины I отъ совѣта послѣдующаго времени, на чемъ построена значительная часть возраженій проф. Алексѣева. Затѣмъ, несомнѣнно, много темнаго и неяснаго остается какъ въ исторіи *происхожденія* учрежденія (кстати сказать, затрогиваемой нами въ нашей книгѣ лишь совершенно мимоходомъ и въ немногихъ словахъ), такъ и въ той роли, какую играли отдѣльные члены совѣта и особенно кабинетъ императрицы въ установленіи тѣхъ или иныхъ сторонъ организаціи учрежденія. Однако, уже современники отмѣтили ту тенденцію учрежденія, которая сопровождала его во всю его недолговѣчную жизнь—«подъ видомъ желанія укрѣпить власть и пра-

ваніи довольно неясной записи 1 іюня), какъ допускаетъ г. Алексѣевъ, что первая часть проекта о департаментахъ была внесена *готовою* самою Екатериною въ совѣтъ, то весь проектъ въ цѣломъ, давъ содержаніе указу 15 іюля, вышелъ изъ совѣта. Мой выводъ, какъ видно изъ приведенной цитаты, касается *всего* указа 15 іюля, а не первой только его части (о раздѣленіи на департаменты). Отрицаетъ далѣе г. Алексѣевъ и мое положеніе, что дѣла въ совѣтѣ распредѣлялись по вѣдомствамъ отдѣльныхъ членовъ—министровъ, забывая, однако, при этомъ объяснить, почему же въ такомъ случаѣ *откладывались* дѣла до прибытія даннаго лица, а затѣмъ и отмѣтить, что я самъ не отрицаю, что такое распредѣленіе или раздѣленіе было весьма несовершенно и не могло всегда и во всемъ проводиться строго и неуклонно и т. д. (стр. 36—42 моей книги; стр. 76—78 рецензіи); не соглашается также авторъ рецензіи и съ моимъ утвержденіемъ, что въ дѣлахъ совѣта мы постоянно находимъ донесенія отдѣльныхъ членовъ по тѣмъ вопросамъ, которые находились въ ихъ завѣдываніи, замѣчая, что они, наоборотъ, представляютъ исключеніе (стр. 78 и сл.). Просмотрѣвъ внимательно документы совѣтскаго дѣлопроизводства за *оба* царствованія, легко видѣть, на чьей сторонѣ истина. Весьма много, наконецъ, говоритъ, почтенный авторъ о томъ, что указъ 28 марта 1726 г. былъ „списанъ" съ „мнѣнія не въ указъ" и что я не долженъ бы былъ „ставить этихъ двухъ разнородныхъ и несоизмѣримыхъ акта рядомъ, приводя ихъ въ циклъ мѣропріятій, направленныхъ *противъ* сената" и пр. (стр. 104—107). Однако, легко замѣтить, что разъ я считалъ (какъ указывалось уже выше) „мнѣніе не въ указъ" актомъ, выражающимъ тенденціи самого совѣта, было совершенно логично ставить въ связь съ этимъ актомъ и указъ 28 марта, съ него „списанный".

Кажется, мы отвѣтили теперь на всѣ возраженія г. Алексѣева *по существу*. Мы считали себя, однако, вправѣ не отвѣчать на всѣ тѣ выходки, которыми изобилуетъ „Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта" проф. А. С. Алексѣева (вродѣ, наприм., его утвержденія, что мое „объясненіе историческаго явленія, несомнѣнно, имѣетъ всѣ шансы на то, чтобъ имѣть успѣхъ и доставить истинное удовольствіе многимъ читателямъ и читательницамъ ученыхъ историческихъ сочиненій; тутъ есть все: и интрига злодѣя пьесы, властолюбиваго Меншикова, и коварные замыслы иностранца Бассевича, и, наконецъ, какъ вѣнецъ всего—конституціонный планъ" (стр. 25 и сл.), предоставляя оцѣнить ихъ самимъ читателямъ моей книги.

вительство царицы», говоритъ Кампредонъ («почему оно», по его же словамъ, «нынѣ чрезвычайно пріятно для честолюбія и власти царицы»), «оно, кажется, кладетъ новый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, т.-е. усиленіе ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи дѣлами здѣшней страны». Мнѣ кажется, этой тенденціи не опровергло разсужденіе проф. Алексѣева, какъ не опровергло и того, что это «участіе» вельможъ въ дѣлѣ управленія страною имѣло олигархическую окраску. Можно, разумѣется, считать эту окраску,—при комбинаціи извѣстныхъ условій—явленіемъ преходящимъ, но, несомнѣнно, что не «легенда» только это правленіе, олицетворявшееся «въ толь маломъ числѣ владѣющихъ», а фактъ прошлаго, не легко, по нашему крайнему убѣжденію, опровергаемый, ввиду свидѣтельствъ первоисточниковъ этого прошлаго.

Сочиненія того же автора:

„О наказаніи по законодательству Петра Великаго, связи съ реформою“. М., 1891 г.

„Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Сов та и кабинета“ (Часть I. Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣт Юрьевъ, 1895 г.

Цѣна 35 коп.